

5 ПРИЧИН В ТЕБЯ

выкобидитсья

РИНА УШАКОВА

Рина Ушакова

5 причин в тебя влюбиться

«Автор»

2026

Рина Ушакова

5 причин в тебя влюбиться / Рина Ушакова — «Автор», 2026

Она для всех — яркая и заметная девушка, которая не боится отстаивать свои права и даже может влезть в драку, чтобы спасти человека. Он - тихий и незаметный парень с последней парты, неудачник, о котором никто не вспомнит, чтобы позвать на какую-нибудь тусовку. Они абсолютно разные, но всё это становится неважно, когда в дело вмешиваются чувства. Мире казалось, что её жизнь разрушена — да и чему радоваться, если угрозы и скандалы не помогли, и родители всё равно перевезли её в глухой провинциальный городок? Она осталась без друзей, родной школы и планов на будущее, поэтому не собирается тут задерживаться, однако всё меняется, когда она встречает в новой школе загадочного и симпатичного одноклассника, который оказывается главным объектом для насмешек и издевательств в классе. Этот молчаливый парень с последней парты даже не смотрит на Миру, но не в её правилах сдаваться. Сможет ли она найти ключ к его сердцу и готова ли к тому, что не все люди такие, какими кажутся?

© Рина Ушакова, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Незнакомец	6
Глава 2. Новенькая	12
Глава 3. Встреча	19
Глава 4. Розыгрыш	24
Глава 5. Ссора	32
Глава 6. Записка	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рина Ушакова

5 причин в тебя влюбиться

Всем, кто сидит в одиночестве за последней партой, посвящается

Глава 1. Незнакомец

Эта школа выглядела такой древней, что больше напоминала музей. Мира окинула недовольным взглядом стены вестибюля, которые были выкрашены унылой зелёной краской, посмотрела на невзрачный бетонный пол, который украшала столь привычная для таких мест мраморная крошка, и обречённо вздохнула при виде кованой железной перегородки с хитрым узором, за которой располагался школьный гардероб. Только рамка металлодетектора напоминала о том, что давно наступил двадцать первый век, но в битве двух исторических эпох она явно проигрывала. Такое мрачное местечко кого угодно могло вогнать в апатию, поэтому Мира отвернулась к окну, однако пасмурный ноябрьский день за стеклом не сильно прибавлял оптимизма.

— Ну и зачем мне надо было сюда тащиться? — спросила она, когда они с мамой преодолели пост охранника.

Несмотря на попытки изобразить недовольство, получилось это у неё так себе, потому что в её чертах вообще было мало угрожающего. Внешность Миры нельзя было назвать яркой, но округлое лицо с острым подбородком, тонкие губы, широкий нос и раскосые лисьи глаза заставляли её казаться по-своему миловидной, что шло в полный разрез с её характером.

— Во-первых, чтобы запомнила дорогу, во-вторых, чтобы ты представляла, где будешь учиться, а в-третьих... — запнулась мама, и Мира поняла, что аргументы у неё закончились, — не задавай глупых вопросов.

Зачем запоминать дорогу, если у неё есть телефон с картой, Мира уточнять не стала, впрочем как и то, зачем ей любоваться этой убогой обстановкой, от которой хотелось сбежать как можно дальше и никогда больше не возвращаться. Споров на эту тему в их семье и так уже было предостаточно, но ничего, кроме испорченного настроения, они не приносили.

Стоило Мире подойти к лестнице, ведущей на второй этаж, как прямо над ухом заверещал звонок. Она поморщилась от металлического скрежета, который заложил уши и в очередной раз мысленно обругала эту школу, застрявшую в доисторической эпохе. Интересно, в этой деревне про электронные звонки никогда не слышали или просто не готовы были расстаться с древними технологиями?

Впрочем, раздражало это только Миру, потому что коридоры моментально заполнились радостной орущей толпой школьников, которых не волновало, какой звонок прозвучал, главное, что он был. Как назло, все они сбегали по лестнице на первый этаж, и Мире приходилось лавировать между ними, чтобы какой-нибудь особенно шустрый ребёнок не сбил её с ног, однако она всё равно время от времени натывалась на кого-то, из-за чего её раздражение только усиливалось.

Поднявшись на второй этаж, Мира вслед за мамой свернула налево, в тёмный неосвещённый коридор, и остановилась перед кабинетом директора.

— Подожди меня тут, — сказала мама, скинув ей на руки свою куртку, после чего поправила тёмные волосы, уложенные в стильную короткую стрижку, и скрылась за дверью.

Странно, что не позвала её с собой. Наверное, испугалась, что Мира может устроить там спектакль, после которого её не возьмут в это перспективное учебное заведение, и очень зря. Достаточно было беглого взгляда вокруг, чтобы понять, что сюда набирают всех подряд, вне зависимости от интеллектуального уровня. Вот, например, собиравшаяся неподалёку шумная компания старшеклассников, которые, судя по всему, ожидали, когда их запустят в кабинет. Все, как на подбор: несколько пацанов, которых нетрудно было представить с бутылкой пива за гаражами, причём одной на всех, две блондинки с надутыми губами, безуспешно пытавшиеся набрать что-то в телефоне длинными ногтями, ботаны, которые перечитывали параграфы

перед уроком. Кто-то визжал, кто-то за кем-то бегал. По поведению они все тянули лет на десять максимум, и оставалось надеяться, что учиться Мира будет не с ними.

Эта пёстрая толпа не обращала на неё никакого внимания, да и она сама не очень стремилась его привлечь. Мира специально оделась как можно невзрачнее, в тёмные джинсы и бордовый свитер, а длинные каштановые волосы завязала в тугой пучок. Разве только белоснежная короткая куртка слишком явно бросалась в глаза, но и её удачно скрывал полумрак.

От нечего делать Мира занялась разглядыванием новой школы. Она мало чем отличалась от сотен других, но Мире ужасно хотелось к чему-нибудь придраться, чтобы доказать себе, что её прежняя была в сто раз лучше. Выходило у неё неплохо: досталось и местами неровно выкрашенным стенам, и слегка потёртому линолеуму, и даже престарелому фикусу в огромном горшке. Может быть, ничего страшного во всём окружении не было, но Мире оно всё равно казалось чужим и неудобным, потому что она не хотела быть здесь. Её полностью устраивала другая школа, другие одноклассники и другой город, однако родителям было на это наплевать.

В душе вновь поднялась волна негодования, которая не успела принять завершённую форму в виде обвинений и жалоб лишь потому, что внимание Миры привлёк парень, которого она случайно заметила краем глаза. Он спускался с третьего этажа по той же самой лестнице, по которой недавно поднималась Мира, и поначалу она даже не смогла понять, что именно вызвало у неё интерес.

Ничего необычного в нём не было: невысокий рост и прикрывавшие скулы длинные светлые волосы, которые не давали рассмотреть его лицо. Одет он был в обычные джинсы и клетчатую рубашку поверх футболки, а на правом плече у него висел тёмно-синий рюкзак. В общем, типичный старшеклассник, только в отличие ото всех остальных он шёл в гордом одиночестве и не стремился присоединиться к какой-нибудь компании.

Коридор постепенно заполнялся людьми и громкими разговорами, однако Мира из непонятного любопытства продолжала следить за этим парнем. Он направился к той самой компашке, которая ей так не понравилась, но не присоединился к ней, а остановился чуть раньше. Закинув рюкзак на подоконник, незнакомец привалился к нему спиной и уткнулся в телефон, а Мира продолжила как бы невзначай наблюдать за ним. Его спокойствие и молчаливость почему-то её совсем не раздражали, наоборот, она почувствовала в нём единомышленника, так как его эта школа и этот назойливый шум тоже явно раздражали. Что ж, хотя бы один умный человек здесь присутствует и, возможно, они даже окажутся в одном классе. Наверное, это было бы неплохо.

— Не волнуйтесь, Эльвира Сергеевна, у нас очень хорошая школа, — раздался голос из приоткрывшейся двери.

Мама вышла из кабинета, а за ней появилась незнакомая женщина в очках, одетая в юбочный костюм неопределённо-зелёного цвета. Надо же, кажется, найден человек, который выбирал краску для стен вестибюля.

— Мира, познакомься, это завуч Нина Алексеевна, — сказала мама таким тоном, словно Мире было пять лет.

— Здравсьте, — буркнула Мира, с неохотой оторвав взгляд от парня.

— Здравствуй, Мирослава.

Женщина улыбнулась, но эта улыбка показалась Мире такой искусственной и приторной, что она чуть по привычке не закатила глаза. Только чудом в последний момент удержалась, представив, сколько нравоучений придётся выслушать от мамы, когда они наконец-то свалят отсюда.

— Кстати, вот класс, в котором будет учиться Мирослава, десятый «Б», — сказала Нина Алексеевна и кивнула в сторону толпы, которую ещё минуту назад с неприязнью рассматривала Мира.

Не везёт, так не везёт. Эти ненормальные и в самом деле её будущие одноклассники, с которыми придётся провести ближайшие полтора года. Всё-таки зря она не ушла в колледж после девятого, сейчас ей было бы значительно проще.

За спиной поднялся галдёж, и Мира непроизвольно обернулась на шум. Одноклассники с гомоном устремились к открывшемуся кабинету, начали толкаться у входа, смеяться, переругиваться и только тот парень продолжал стоять, не шелохнувшись. Может, он вообще был не с ними? Хотя какая разница, друзей здесь заводить Мира не планировала.

— Старшие классы у нас учатся по субботам, — продолжила Нина Алексеевна, — но я думаю, завтра приходить не нужно. Пусть девочка привыкнет к новому городу, подготовится, а в понедельник ждём её на уроках.

Как мило. А можно сразу на выпускной прийти? Хотя и это бессмысленное мероприятие Мира тоже с удовольствием пропустила бы, так как не видела в нём никакого смысла.

Новость о том, что встреча с будущими одноклассниками откладывается, её порадовала, но тут над головой опять взвизгнул звонок, отчего Мира невольно вздрогнула и мысленно выругалась. В этой школе можно было находиться исключительно в берушах, так что до понедельника нужно было прикупить себе парочку. Заодно они спасут от необходимости выслушивать тупые разговоры будущих одноклассников. Одни плюсы.

Пока мама продолжала обмениваться с завучем любезностями, Мира вновь обернулась, но школьный коридор был уже пуст, и лишь несколько опоздавших учеников спешили на урок. Обидно, что она упустила момент, когда незнакомец ушёл. По крайней мере, можно было узнать, будут ли они в одном классе или нет, хотя Мира всё ещё не понимала, чем он зацепил её внимание и зачем ей это всё было нужно.

Наконец, у мамы закончились все шаблонные фразы, и она с крайне довольным видом распрощалась с Ниной Алексеевной. Миру эта встреча не так сильно воодушевила, поэтому она напоследок едва заметно кивнула завучу головой и быстро побежала по лестнице вниз, потому что ей не терпелось поскорее уйти. Мама вскоре её нагнала и попыталась завести беседу, однако поняла, что Мира не настроена на разговоры, поэтому принялась болтать сама с собой вслух.

— По-моему, замечательная школа, — сказала она, когда они вышли на улицу. — И совсем близко к дому.

— Ага, очень близко, всего четыреста километров, — не сдержалась Мира.

— Ты просто невыносима, — вздохнула мама. — Я понимаю, что ты не рада тому, что произошло, но ты уже взрослая и должна понимать, что другого выхода у нас не было.

— Ага, просто жизненно необходимо было открывать ещё один ваш магазин в какой-то дыре.

— Никакая это не дыра! — возмутилась мама. — Да, не столица, но и не село. Ничего, привыкнешь.

Мира вздохнула и решила не продолжать эту тему. В конце концов, её мнение никого не интересовало и вообще ничего изменить уже было нельзя, так что все споры были бессмысленны.

Оставшееся время они провели в напряжённом молчании, и радовало только то, что идти действительно было не так далеко. Всё это время Мира старалась не смотреть по сторонам, потому что унылость окружавшей обстановки навевала такую тоску, что хотелось выть от отчаяния. Её новый дом тоже не выделялся на общем фоне — это была серая унылая пятиэтажка, которую невозможно отличить от десятка других домов, стоявших на этой же улице. Несмотря на очевидные минусы, родители их словно не замечали и твердили о том, что лучше жить ближе к центру и школе, пусть и не в самом новом жилье. Впрочем, они обещали, что со временем переберутся в квартиру получше. Может быть. Если хоть у кого-то из них найдётся на это время. Ну а пока Мире приходилось довольствоваться металлической дверью, которую

заклеили объявлениями, облупившейся краской на стенах и мутными окнами в подъезде. И как только люди живут в таких условиях?

— Володь, мы вернулись, — крикнула мама, когда они зашли в квартиру, и бросила ключи на полку в прихожей.

Вскоре из гостиной выглянул радостный отец.

— Ну как сходили? Всё нормально? — улыбнулся он.

Мира откинула в сторону ботинки и смерила его убийственным взглядом, а затем молча набросила куртку на вешалку и ушла в свою комнату.

— Продолжает беситься, — донеслись ей вслед слова мамы.

Демонстративно хлопнув дверью, Мира подошла к кровати, плюхнулась на неё и усталилась в потолок. Новая комната её тоже раздражала, хотя ничего ужасного в ней не было. Ремонт был относительно свежим, со светлыми обоями, которые ещё не успели истрепаться, да и мебель тут стояла не древняя, а вполне себе современная. Только пустые полки и вид из окна портили всё впечатление, а ещё коробки и пакеты с вещами, которые Мира не торопилась разбирать. Впрочем, желания заниматься этим всем у неё сейчас не было, поэтому она просто вздохнула и закрыла глаза.

Злость в этой ситуации не помогала и страдания не облегчала, но ничего с собой поделать Мира не могла. Новость о переезде обрушилась на неё так внезапно, что смириться с этим времени просто не осталось, а попытки уговорить родителей оставить её одну, чтобы не переводиться в другую школу, с треском провалились. Мама решила, что она недостаточно взрослая, чтобы жить самостоятельно на прежнем месте, зато достаточно взрослая для того, чтобы начать жизнь заново в какой-то глуши.

В общем, не прошло и двух недель, как Мира оказалась в городе, название которого слышала пару раз в жизни. Заняться ей тут было совершенно нечем. Бродить среди серых панельных домов под пронизывающим ноябрьским ветром не хотелось, а все подруги и знакомые были далеко и никаким образом не могли облегчить её положение. Оставалось только часами бесцельно переключаться между окнами приложений на телефоне и стараться не смотреть на коробки, чем Мира и занималась последние несколько дней.

Теперь же дошло до того, что её уже тошнило от бесконечных видео и постов в ленте, поэтому она просто лежала с закрытыми глазами и думала о завтрашнем дне. Перед внутренним взором мелькал школьный коридор, выкрашенный светло-салатовой краской, визжащие одноклассники, а ещё почему-то тот молчаливый парень, который на их фоне выглядел как единственный адекватный человек.

В конце концов любопытство оказалось сильнее лени, и Мира схватилась за телефон, однако так и замерла с ним в руках. Поначалу идея отыскать в сети этого незнакомца выглядела интересной, но вскоре стала ясна полная её несостоятельность. Где искать? Она не знала ни номера, ни ника. Да и зачем? Не будет же она писать ему просто потому, что они, возможно, будут учиться в одном классе. Но несмотря на очевидную бессмысленность этого занятия, Мира всё-таки открыла одно из приложений и вбила в поисковую строку номер новой школы. В ответ система выдала несколько тысяч результатов, среди которых была масса студентов и даже пенсионеров. Этого списка хватило бы на все выходные, так что Мира отфильтровала возраст и получила около двухсот страниц, которые быстро пролистала, но ничего интересного не нашла. Лица будущих одноклассников она не запомнила, да и вместо фотографий почти везде стояли картинки, а имена и фамилии не говорили ей ни о чём.

Отбросив телефон, Мира снова закрыла глаза, однако вскоре её уединение нарушила мама. Она вошла в комнату без стука и, остановившись в дверях, скользнула недовольным взглядом по коробкам.

— Мира, если ты до вечера не разберёшь вещи, я их выброшу, — сказала она и, не дожидаясь ответа, ушла.

Зная её характер, Мира ни на секунду не сомневалась, что мама не шутит, и отчасти эта мысль показалась ей даже интересной. Если бы вся её одежда отправилась на помойку, ей пришлось бы сидеть дома или пойти в школу одетой как пугало, что тоже забавно. Однако на такой серьёзный бунт она, судя по всему, была не готова, поэтому поднялась и принялась вытряхивать вещи из коробок и пакетов.

У новой школы был только один плюс: старшеклассники здесь ходили без формы. Видимо, это был своеобразный признак привилегированности или же просто моральная компенсация для тех, кто уже десятый год тратил на выживание в этих условиях. Для Миры, пожалуй, это было единственным утешением, потому что невзрачная тёмно-серая юбка с синей жилеткой в родной школе порядком ей поднадоели, а тут у неё появилась хоть и весьма условная, но свобода выбора. И хотя эта Нина Алексеевна что-то там говорила про необходимость придерживаться делового стиля, Мира успела заметить, что все плевать на это хотели.

Вывалив все вещи на кровать, она задумалась о том, что надеть в первый учебный день. Поразить всех своим внешним видом и показать, как одеваются люди в нормальных городах? Или нацепить первое, что попадётся под руку, чтобы продемонстрировать полное безразличие к их мнению? Или вообще не думать о том, как воспримут её появление будущие одноклассники?

Слишком много мыслей крутилось в голове, поэтому Мира устало повалилась рядом с горой одежды и закрыла лицо руками. Непонятное беспокойство никак не отпускало её, особенно когда она думала о новом классе, и отвлечься никак не получалось, как она ни старалась. Наконец, Мира не выдержала, вскочила на ноги, открыла шкаф и принялась комкать и запихивать туда вещи.

— Мне плевать на эту школу. Мне плевать на этих придурков, — бубнила она себе под нос, закидывая на полку футболки. — Мне плевать на всё. Я просто хочу дождаться выпускного и свалить обратно.

Всего через десять минут требование мамы было исполнено. Коробки и пакеты опустели, а все вещи оказались свалены в шкафу, дверцы которого Мира плотно задвинула, чтобы никто не увидел, как жестоко она обошлась с одеждой. Пообещав себе позже разобраться с этим бардаком, Мира выскочила в прихожую и принялась спешно одеваться, попутно раздумывая о том, стоит ли сообщить о своих планах родителям. В конце концов она решила, что безмолвное исчезновение может их напугать, и они поднимут на уши весь город, поэтому бросила короткое и раздражённое:

— Я гулять.

Ответа Мира уже не услышала. Она подключила к телефону наушники и врубила на полную громкость первую попавшуюся песню, после чего хлопнула дверью и убежала навстречу этому серому унылому городу, который, казалось, пытался задушить её в объётах панельных многоэтажек. Мира долго петляла в лабиринтах пустых и однообразных дворов, и за всё это время она почти не встречала прохожих, отчего представлялось, будто весь этот город вымер и никого, кроме неё, не осталось. Это неудивительно: под ногами чавкал грязный подтаявший снег, а над головой нависали плотные тяжёлые облака, так что только сумасшедший захотел бы разгуливать при такой погоде. Ну или совсем отчаявшийся — к этой категории Мира причисляла себя.

Ей, по правде, было наплевать на холод и промозглый ветер, от которого пальцы оледенели и с трудом слушались, гораздо больше её волновало то, что ближайшие полтора года придётся провести в этом чужом городе, где одиночество ощущалось буквально физически. Задерживаться тут на дольше Мира не планировала, после выпускного она собиралась поступить в университет в своём родном городе и вернуться обратно любой ценой, но до этого момента нужно было как-то дожить. Ходить в школу, чем-то заполнять свободные часы и искать причины, чтобы прожить ещё хотя бы один день. Где найти силы на это и сколько так можно про-

тянуть? Ответы на эти вопросы Мира никак не могла отыскать, а потому продолжала бродить по улицам и дворам, несмотря на то что на землю начали опускаться сумерки.

Глава 2. Новенькая

До звонка оставалось всего несколько минут, но Мира не спешила к кабинету и продолжала рассматривать себя в зеркале, которое висело в школьном холле. Мысль о встрече с новым классом пугала её и заставляла тянуть время, поэтому она вновь разгладила узкое бежевое платье, а затем поправила небрежную косу, заплетённую на один бок. Наконец, Мира разозлилась на саму себя за совершенно неспортивную слабость и решительным шагом направилась к лестнице.

Каблуки звонко постукивали по бетонному полу, но ей казалось, что сердце стучит гораздо громче, и унять это волнение никак не удавалось. Даже стремительный подъём на третий этаж не сильно отвлёк её от переживаний, хотя обычно физические нагрузки помогали ей очистить разум от нарастающей тревоги. В этот раз, наоборот, чем ближе Мира оказывалась к цели, тем хуже ей становилось, и только закалённая годами сила воли не позволяла ей сдаться и убежать, хотя очень хотелось.

В поисках кабинета она пробежала глазами таблички на дверях. Триста девятый, триста восьмой, триста седьмой... Нужно было срочно собраться, чтобы случайно не хлопнуться в нервный обморок прямо посреди коридора. В конце концов, ничего страшного в знакомстве с новым классом не было. Мира не хотела ни с кем дружить, и даже если никто не захотел бы с ней общаться, она не расстроилась бы. Короче, у неё не было ни единого повода переживать, но легче от этого почему-то не становилось.

Табличка триста шестого кабинета осталась позади, и всего несколько метров отделяли Миру от кабинета русского и литературы, в котором проходил первый урок. Из открытой двери доносились звуки оживлённых разговоров и смеха, так что была надежда на то, что её появление многие просто не заметят. Успокоив себя этой мыслью, Мира сделала глубокий вдох и шагнула вперёд, после чего моментально оказалась в эпицентре шумного сборища, в котором все голоса смешивались в один непрерывный гул.

— Егорыч, садись ко мне! Да не заметит никто, вот увидишь! Егорыч!

— Ай, ты совсем что ли?! Отдай!

— Если бы ты только знала, что он мне написал...

— Чё ты делаешь, надо вверх и вниз зажимать сразу, дай покажу...

— Да отвали ты!

Во всей этой суматохе на Миру в самом деле не сразу обратили внимание, поэтому она на несколько секунд замялась у входа.

— Татьяна Сергеевна, а это правда, что школьную редакцию закрывают в этом году? — тонким голоском спросила невзрачная брюнетка с первой парты.

— Егорыч!

— Нет, Насть, я ничего такого...

— Егорыч, блин!

Татьяна Сергеевна, невысокая девушка с убранными в низкий хвост русыми волосами, выглядевшая лет на двадцать максимум, сбилась с мысли, но попыталась всё-таки ответить на вопрос.

— ...не слышала, хотя в прошлом году она не пользовалась большой...

— Егорыч!

— Да Егорыч! То есть, Егоров, — быстро исправилась учительница, — пересядь ты к нему уже наконец, сил нет!

Невысокий полноватый парень с тёмно-русыми волосами послушно схватил свои вещи и переполз за последнюю парту у входа с таким видом, будто его не к другу отправили, а к какой-нибудь зубрилке, рядом с которой даже сидеть стыдно. Плюхнувшись на стул, он закинул на

стол перед собой рюкзак, после чего уткнулся в телефон. В классе сразу стало заметно тише, а учительница наконец-то заметила Миру и растерянно уставилась на неё.

— Здравствуйте, — сказала Мира и вышла на середину кабинета.

С одной из задних парт раздался свист. Невольно обернувшись на него, она увидела высокого парня с чёрными взъерошенными волосами, который развалился за четвёртой партой у входа, перед тем самым Егорычем. Он с самоуверенной улыбкой разглядывал Миру, словно она в ту же минуту должна была броситься ему на шею, но у неё это вызвало лишь желание закатить глаза. Тут диагноз ясен, очередной доморощенный альфач, уверенный в своей неотразимости. Подобные парни её никогда не интересовали, поэтому она отвернулась и моментально забыла про него.

— Здравствуй, ты Мирослава, да? — спросила учительница, поднявшись со стула, но не стала дожидаться ответа и повернулась к классу. — Ребята, познакомьтесь, это Мирослава Иваницкая, она будет учиться с вами.

Мира с вежливой, но холодной улыбкой обвела взглядом кабинет. Местный Казанова продолжал бестактно глазеть на неё, сидевшие позади него Егоров со своим соседом о чём-то активно заговорили, некоторые поприветствовали её дружелюбными улыбками, но Миру это всё мало интересовало. Ей хотелось обнаружить среди новых одноклассников того молчаливого парня, которого она видела в коридоре, но его нигде не было. Значит, ошиблась. А жаль.

— Садись вот туда, — сказала учительница и кивнула на средний ряд, — за четвёртую парту, к Кристине.

Оттуда на Миру поглядывала невысокая девчонка с широкой улыбкой и копной светлых мелких кудряшек, которые свободно спадали до лопаток. Выглядела она слишком дружелюбно, что напрягало, но это оказался не самый плохой вариант. Место рядом с любителем посвистеть тоже пустовало, но, видимо, учительница догадалась, что ничего хорошего из этого дуэта не выйдет, и не стала испытывать судьбу, за что ей можно было сказать спасибо.

Добравшись почти до конца кабинета, Мира присела на стул, который стоял ближе к окну, а новая соседка моментально расплылась в улыбке и протянула руку.

— Привет, я Кристина.

— Мира, — представилась девушка и пожала руку в ответ.

На этом обмен очевидной информацией, которая и так уже была известна, можно было закончить, но Кристина оказалась не из молчаливых. У Миры даже складывалось впечатление, что та сидела одна с первого класса, и только сейчас у неё появилась возможность хоть кому-то выговориться, потому что одноклассница ни на секунду не замолкала. Мира слушала её рассказы вполуха, наблюдая за тем, как поплёскивал колпачок от ручки с наконечником в виде бриллианта, который Кристина без остановки вертела в пальцах.

— Я смотрю, ты Юре понравилась, — прошептала Кристина и загадочно улыбнулась. — Теперь держись, тебя Дашка со свету сживёт, она за ним уже второй год бегаёт. Это та киса с выжженными волосами со второй парты, вон там, у входа. У неё ещё подружка есть, Оля, она с ней рядом сидит, ну видишь, вон та в голубой блузке.

Мира кивнула, хотя даже и не думала вглядываться в спины одноклассников в поисках каких-то совершенно неинтересных ей Дашек и Оль. Впрочем, Кристина этого не заметила и продолжила болтать, несмотря на то что урок уже начался. Все остальные тоже не сильно сдерживались: с задних парт доносился тихий, но уверенный гул, и никакие угрозы учительницы его не останавливали. Мира готова была сама вскочить и гаркнуть на всех, чтобы разговоры прекратились, потому что больше всего ей хотелось посидеть в тишине, но едва ли это сработало бы, поэтому приходилось терпеть непрекращающийся шум.

К тому моменту, когда литература закончилась, она уже знала все подробности жизни нового класса, к кому из учителей можно приходиться просто так, а к кому без домашки лучше не соваться, на какой перемене лучше идти в столовку и где лучше всего в школе прогуливать

уроки. Узнала бы, наверное, ещё больше, если бы не спасительный звонок, после которого Кристину на время отгеснили другие одноклассницы.

Вопреки ожиданиям, которые возникли у Миры за выходные, никто и не думал игнорировать её. Наоборот, многим хотелось с ней познакомиться и узнать получше, поэтому девочки активно расспрашивали её о жизни и прошлой школе. Новость о том, что Мира переехала из столицы, не на шутку всех взбудоражила, а её уверенное заявление о том, что после выпускного она вернётся обратно, вызвала добродушные, но завистливые вздохи. Забавная реакция, словно она была королевой в изгнании, которая потеряла всё, но свой титул сохранила. В общем, в глазах общественности Мира неожиданно для себя стала кем-то вроде местной знаменитости, хотя эта роль её совсем не воодушевляла.

К счастью, у одноклассниц в жизни были и другие заботы, поэтому они вскоре переключились на обсуждение урока истории, который стоял в расписании следующим. Мира уже знала, что историчка — зверь, но выяснять подробности ей было неинтересно, так что в разговоре она не участвовала и наслаждалась моментом, когда её никто не трогает. А ещё вертела головой по сторонам в надежде увидеть где-нибудь того самого парня, хотя сама не очень понимала, зачем. Отчасти Миру зацепило то, что он выглядел отстранённым и одиноким, а это очень напоминало ей собственное состояние, но разве это имело какое-то значение? Не будет же она с ним общаться, в конце концов. Во-первых, это странный повод для знакомства, а во-вторых, тот незнакомец вполне мог оказаться совсем другим человеком, не таким, которого Мира себе представляла.

От размышлений её отвлёк голос, который словно ответил на её мысли:

— Слушай, он какой-то странный, забей, — сказала девушка, которая стояла рядом. — Только время на него потратишь.

Мира посмотрела в сторону и увидела ту самую Дашу, которая по утверждению Кристины вроде как должна была сжить её со света. Пока же Даша о ней не думала, а держала в руке с длинными ногтями телефон и листала переписку своей подруги.

— Не, вообще не вариант, — сказала она и передала телефон обратно Оле.

Вблизи эти две подружки выглядели почти как клоны. Только Даша была чуть повыше, а в остальном было в их внешности что-то конвейерное, как будто их на одном заводе отштамповали. Длинные искусственно-блондинистые волосы, толстый слой макияжа, дешёвая, но яркая бижутерия, слишком откровенный для школы вырез на груди, узкие джинсы и туфли на платформе — всё это вызвало у Миры лишь ироническую усмешку. Ничем, кроме внешнего вида, эти девицы явно не могли похвастаться, да и тот не слишком-то впечатлял.

Даша заметила оценивающий взгляд Миры и с вызовом посмотрела на неё, но Мира ничего не сказала и отвернулась. Устраивать разборки с местными модницами она не хотела и не видела смысла. Пусть живут, как хотят, а ей лучше думать о том, как побыстрее свалить из этого города.

Появление учительницы заставило всех резко прекратить разговоры и весёлый смех. Судя по всему, это была та самая историчка, которую все боялись, и по ней сразу было заметно, что характер у неё не самый приятный. Немолодая женщина со стянутыми в жидкий хвостик тёмными волосами, стремительными движениями и суровым лицом подошла к кабинету, проигнорировала все обращённые к ней приветствия и открыла ключом дверь. Бросив напоследок короткое и жёсткое: «Готовьтесь», она вновь ушла, но оставила после себя тяжёлую и напряжённую атмосферу.

Одноклассники покорно направились в кабинет с таким видом, будто на казнь отправлялись, и только Мира не разделяла их настроения. Она равнодушно продвигалась к двери, но у самого входа, как назло, столкнулась лицом к лицу с Юрой, который тут же отступил и жестом предложил ей пройти вперёд. Естественно, это сопровождалось всё той же нахальной улыбкой, но Мира никак не отреагировала и демонстративно прошла мимо, словно и не заметила его.

Внутри было шумно: все толкались, гремели стульями, которые стояли перевёрнутыми на партах, шелестели страницами учебников. Мира поспешила протиснуться к своему месту, ухватила стул одной рукой, так как другой держала сумку, но не справилась, и он завалился на второй стул. Вместе они с грохотом упали на пол, чуть не сбив с ног Кристину, а та с визгом отпрыгнула назад и налетела на Юру.

— Ай! — воскликнула Мира. — Ты цела? Не попало по тебе?

— Вроде бы нет, — ответила Кристина и нервно рассмеялась. — Прости Юр, я случайно.

— Да ладно, бывает, — беззаботно улыбнулся он. — Но знаешь, ты, оказывается, очень тяжёлая.

Кристина непонимающе уставилась на него, и Юра, заметив её замешательство, поспешил объяснить:

— Ты мне на ногу наступила и продолжаешь на ней стоять.

— Ой, извини пожалуйста, — наконец-то заметила Кристина. — Я так перепугалась, что забыла обо всём! Ну вот, ещё и кроссовок тебе измазала, подожди, сейчас салфетку найду.

— Да забей, — махнул он рукой.

Убедившись, что с соседкой всё в порядке, Мира принялась разбираться с последствиями крушения, но у неё ничего не получалось. Стулья умудрились каким-то хитрым образом сцепиться ножками, и как она ни пыталась, поднять их не могла, как и не могла присесть ниже в слишком тесном платье. В результате Мира безуспешно дёргала за спинку и молча злилась, потому что все смотрели именно на неё.

Спасение пришло неожиданно: Юра ухватил стулья и с лёгкостью поставил их на ножки, как будто они почти ничего не весили.

— Спасибо, — буркнула Мира.

Как будто без него не разобрались бы. Разве не понятно — не надо лезть, если тебя не просили.

Впрочем, Юру столь недружелюбная интонация не расстроила. Он одарил Миру сдержанной и самодовольной улыбкой, после чего уселся на своё место и начал рукой оттирать грязный след, который остался на его светлых кроссовках. Спокойно наблюдать за этим Даша не смогла, поэтому тут же подлетела к нему с пачкой влажных салфеток и тоже стала чистить его обувь, попутно болтая с ним.

Со стороны это выглядело так нелепо и комично, что Мира не выдержала и закатила глаза. Неудивительно, что этот местный ловелас страдал неоправданно завышенной самооценкой, с такой-то борьбой за его внимание. Юра, кстати, реакцию Миры уловил, и боковым зрением она заметила, как он усмехнулся.

— Итак, тема нашего урока: «Октябрьская революция в России». Егоров, к доске.

Учительница так неожиданно ворвалась в кабинет, что Мира даже вздрогнула от её властного и жёсткого голоса. До звонка вообще-то оставалась ещё пара минут, но никто не стал спорить, наоборот, одноклассники опустили глаза и дружно зашелестели страницами.

— А Егорова нет, — сообщил тоненький голосок с задней парты.

— Ладно, тогда Кирюшин.

— Кирюшина тоже нет, — пропищал всё тот же голос.

Мира обернулась: тот самый Егоров, чьё место она заняла, прикрывался учебником историей и довольно, но беззвучно хихикал. Выглядел он как типичный обитатель последней парты: невысокий, коротко стриженный, со слегка полноватым лицом и тёмно-русыми волосами со следами мелирования. Рядом с ним сидел его не менее довольный друг, который, судя по всему, был Кирюшиным. Этот был потемнее, похудее и помоднее, но всё равно на его лице было написано, что его судьба — это последняя парта.

Заметив взгляд Миры, Егоров поднёс к губам указательный палец, но она и не думала рассекречивать их, поэтому равнодушно отвернулась и погрузилась в свои мысли.

— Так, а кто такая Иваницкая? — спросила учительница, когда пробежалась глазами по списку и обнаружила незнакомую фамилию.

Меньше всего Мире хотелось привлечь к себе внимание, и уж тем более представляться на глазах у всего класса, но выбора не оставалось.

— Это я, — ответила она, приподняв руку.

— И откуда ты у нас взялась? — уточнила учительница, строго взглянув на неё.

— Перевелась из другой школы.

— Из какой?

Этот разговор всё больше и больше напоминал допрос, поэтому Мира не выдержала и выпалила не самым вежливым тоном:

— Из тысяча четыреста пятьдесят четвёртой.

Учительница ожидаемо зависла от такого ответа, а Юра присвистнул и усмехнулся:

— Хорошо, что мы в пятёрке учимся, а то ведь хрен запомнишь.

Он наклонился к Егорову и Кириюшину, но сказал это достаточно громко для того, чтобы услышали все. По рядам прокатился несмелый смешок, а Мира с трудом сдержалась, чтобы в открытую не послать его. Этот Юра раздражал её всё больше и больше, а ведь это только второй урок.

— Хорошая у вас школа, наверное, раз тебя дальше первого десятка считать не научили за десять лет, — ответила ему Мира, не удостоив его взглядом.

Услышав это, Егоров с Кириюшиным тихо заржали.

— Нормально тебя укатали, — оценил последний и хлопнул Юру по плечу.

Кристина тоже засмеялась, но по-тихому, спрятавшись в своих кудряшках. Единственными, кого не повеселили слова Миры, оказались Даша и учительница, которая, видимо, обвинение учебного заведения восприняла лично.

— Ну что ж, посмотрим, чему вас в вашей школе учили, — сказала она. — Иди к доске, запишешь тему и заодно расскажешь нам о ней.

Спорить с ней Мира не стала, а поднялась с места и пошла к доске. Там она брезгливо взяла пальцами кусок мела и с нескрываемым отвращением уставилась на него. Для неё не было ничего противнее его скрипа при письме, но до маркерных досок тут ещё не доросли и пользовались проверенными временем деревенскими технологиями.

— Ну? — строго сказала учительница, когда Мира замерла с мелом в руке.

— Что писать-то? — с плохо замаскированным раздражением спросила она.

— Тему урока. Я её уже обозначила, или ты всё прослушала?

Почему все так боялись эту тётку, Мира искренне не понимала. У неё пока что общение с ней вызывало лишь негодование и злость, а ещё сильное желание зашвырнуть мел куда подальше и уйти из кабинета.

— Нужно внимательнее слушать, когда ты на занятии, — сказала учительница и повернулась к классу. — Ясина, какая тема урока?

— Октябрьская революция в России, — испуганно пропищала девушка с короткой стрижкой.

Мира вздохнула и, скривившись, начала выводить буквы на доске. Всё это время в кабинете стояла звенящая тишина: никто не шевелился и даже не решался перелистнуть страницу, чтобы случайно не привлечь к себе учительское внимание. Наконец, Мира дописала тему и положила мел, но он противно скрипел на пальцах, поэтому она задумчиво посмотрела на сомнительного вида влажную губку, которая лежала рядом. Ну уж нет, к такой мерзости Мира ни за какие деньги не прикоснулась бы.

— Итак, что ты можешь рассказать нам про Октябрьскую революцию? — спросила учительница и недовольно поджала губы.

— Я ещё не проходила эту тему, мы учились по другой программе, — сухо ответила Мира.

— Она изучается ещё в девятом классе, мы просто повторяем её.

— Зачем тогда тратить учебное время, раз мы её уже проходили?

Наверное, не стоило так открыто выражать недовольство, но слова вылетали сами по себе, и удержать их Мира была не в силах.

— Думаю, не нужно тратить учебное время на тебя, раз ты ничего не знаешь. Садись.

— Я тоже думаю, что не нужно тратить время на тебя, — буркнула себе под нос Мира, когда проходила по ряду к своему месту.

— Что ты сказала? — повысила голос учительница.

Мира села за парту, сложила руки и вежливо улыбнулась.

— Это вы меня спрашиваете? — спокойно уточнила она.

— А кого ещё?

— Наверное, вам послышалось, я ничего не говорила.

Вступать в открытый конфликт не хотелось, поэтому Мира сделала вид, будто ничего не случилось, но в список нелюбимчиков она определённо попала с первого же урока. Хотя какая разница? Даже лучше, если в этой школе с самого начала всё не сложится — может, тогда родители наконец-то поймут, что лучше будет отправить её обратно и поселить с бабушкой, как она изначально и предлагала.

Между тем у доски уже стояла другая девушка, которую, кажется, звали Наташей. На ней училка решила отыгаться по полной и заставляла её повторять чуть ли не весь школьный курс истории, и пока несчастная одноклассница пыталась вспомнить то, чего никогда не помнила, остальные напряжённо молчали. Даже троица Юры, Егорова и Кирюшина сидела тихо, каждый в своём телефоне. Мира долго не могла понять, почему всё это кажется ей странным, а потом осознала, что Кристина тоже молчит, хотя на предыдущем уроке её рот не закрывался ни на секунду. Сейчас же соседка не замечала ничего, кроме учебника, и продолжала нервно крутить свою ручку. В общем, все наконец-то оставили Миру в покое, и она была несказанно этому рада. Подперев голову рукой, она уставилась в окно и погрузилась в свои мысли.

На первый взгляд новая школа оказалась не такой жуткой, как она себе представляла. Тут было не так уютно, и капитальный ремонт не помешал бы, но одноклассники отнеслись к ней дружелюбно и тепло, а учителя, по рассказам Кристины, в большинстве своём были вменяемыми. Ну, не считая исторички. В общем, всё было хорошо, но отделаться от чувства глухого недовольства у Миры не получалось. Её выводила из себя болтливость Кристины, хотя было заметно, что та просто пытается быть милой. Её дико бесил Юра, хотя он пока не сделал ничего такого. И историчка, может, не прицепилась бы к ней, если бы она нормально отвечала на вопросы. Почему так получалось, Мира не понимала, и это было ещё одной причиной, по которой хотелось крушить всё вокруг.

Звонок прозвенел, но никто не сдвинулся с места, а учительница неторопливо и с явным удовольствием от осознания своего превосходства продолжала вещать про большевиков. Мира взглянула на часы, которые висели над доской: секундная стрелка неумолимо пожирала время, а минутная уже отсчитала три минуты от начала перемены.

Утихшее раздражение снова разгорелось с прежней силой. Они и так начали урок раньше, чем нужно было, почему они должны были сидеть даже после звонка? Раз эта училка требовала от всех дисциплины и прилежного исполнения обязанностей, неплохо было бы ей самой хоть немного соответствовать своим стандартам. С этими мыслями Мира начала собирать вещи, так как понимала, что если не уйдёт сейчас, то взорвётся и выскажет всё, что думает, и проблем от этого будет гораздо больше, чем от побега.

— Звонок для учителя, — властным и недовольным голосом напомнила учительница, когда заметила, что Мира всё убрала с парты.

— Звонок для всех, — отрезала она и поднялась. — Я, как и все остальные, имею право на перемену, и если вы не умеете рассчитывать время урока так, чтобы уложиться в отведённые сорок пять минут, это говорит только о вашей профнепригодности.

После этого Мира гордо выпрямила спину, прошла мимо учительского стола и вышла из класса, принципиально не закрыв за собой дверь, чтобы разрушить сковавшую всех тишину звуками весёлого гомона из коридора.

Избежать попадания в чёрный список не удалось, но Миру это не сильно расстраивало. Эта училка в самом деле слишком злоупотребляла своей властью, и если остальные готовы были терпеть, для Миры подобное было недопустимо. Есть большая разница между требовательной строгостью и самодурством, а этот случай, по её мнению, как раз попадал во вторую категорию.

От нечего делать Мира разыскала следующий кабинет, который пока был закрыт, и, оставившись у окна напротив, начала разглядывать всех, кто проходил мимо. Вскоре стали подтягиваться и другие одноклассники, у которых произошедшее оставило неизгладимое впечатление.

— Ну ты даёшь, — восхищённо выдохнула Кристина, когда подбежала к ней. — Грачиха теперь тебя живьём съест.

Не слишком ли много врагов для первого дня в школе? Сначала Даша, теперь эта училка.

— Если только доберётся до меня первой, — усмехнулась Мира. — Что, отпустила вас всё-таки?

— Ага, сразу, как ты ушла. Ворчала там что-то про современную молодёжь, ну мы уже не слушали...

Договорить Кристина не успела, потому что её перебил Егоров.

— Королева! — воскликнул он, когда был в паре шагов от Миры.

— Богиня! — вторил ему Кирюшин и, обогнав его, остановился рядом с Мирой, преданно уставившись на неё.

— Победительница! — продолжал сыпать комплиментами Егоров, а затем встал перед ней на колени, протянув к ней руки.

Мира равнодушно посмотрела сначала на одного, потом на другого и перевела взгляд на Кристину. Та хихикала и, кажется, не считала происходящее чем-то странным.

— Древнее предсказание сбывается! — возвестил Егоров, поднявшись с колена. — Среди нас появилась избранная, способная снять с нас оковы грачёвского ига!

— Вы ненормальные? — наконец не выдержала Мира.

— Мы нормальные, абсолютно и полностью, — заверил её Кирюшин. — Просто счастливы встретить единомышленницу. Враг нашего врага — наш верный друг и союзник.

— Если мы можем хоть что-то для вас сделать, — подхватил Егоров и сделал реверанс. — Только позовите.

Другие одноклассники, на удивление, разделяли радостный припадок этих двоих. Все столпились вокруг неё и наперебой принялись восхищаться тем, как ловко она заткнула историчку.

— Да вы чего? Она и вправду не может нас на переменах задерживать, это же в правилах прописано, — объясняла им очевидные вещи Мира. — И тупыми нас называть тоже не имеет права.

Эти слова с оживлёнными воплями подхватили остальные, словно это на самом деле был революционный лозунг, а не вполне логичная вещь, прописанная на уровне законов. Впрочем, сейчас это мало интересовало Миру, потому что она продолжала краем глаза разглядывать проходивших мимо людей в надежде увидеть того парня, но всё безуспешно. Ни один старшеклассник даже приблизительно не напоминал его, словно его вообще не существовало. Но не привиделся же он ей?

Глава 3. Встреча

До декабря оставалось меньше недели, но зима вместе с белоснежными сугробами и пушистыми снежинками, которые дарили праздничное настроение, где-то задерживалась. Утро следующего дня выдалось ветренным и дождливым, поэтому Мира сидела в классе и куталась в толстовку, наблюдая за тем, как мелкие капли дождя собирались в более крупные и медленно сползали по стеклу.

Полночи она проворочалась в кровати, но так и не смогла заснуть из-за множества мыслей, которые крутились в голове, и теперь отчаянно боролась со сном. К счастью, одноклассники, которые вместе с ней ждали начала урока, разделяли её состояние и с разговорами к ней не лезли, но потом в кабинет ввалилась шумная троица из Юры, Егорова и Кирюшина. Они громко переговаривались и смеялись, пока пробирались к своим партам, и Мира не смотрела на них в надежде, что на неё не обратят внимания, однако Юра пройти мимо не смог. Место рядом с ней пустовало, так как Кристина ещё не пришла, и он незамедлительно этим воспользовался.

— Чего скучаешь? — спросил он, усевшись рядом с таким видом, будто это была его парта.

— Я не скучаю, — односложно ответила Мира, даже не взглянув на него.

— Слушай, по поводу Грачихи, неплохо ты вчера её укатала, — заговорил за спиной Егоров, который, по всей видимости, мигрировал вместе с Юрой. — У нас тут скоро готовится небольшая акция специально для неё, не хочешь поучаствовать?

— Егорыч, свали ты со своими акциями, — повысил на него голос Юра. — Достал уже.

— Вот всегда находятся душители революции, — картинно посетовал Егорыч и снова перепрыгнул за свою парту.

Мира предпочла бы, чтобы они свалили вдвоём, но Юра всё ещё не замечал, что его присутствие её напрягает.

— Не, ну Грачиху ты реально круто на место поставила, — сказал он. — Только теперь она тебя в покое не оставит.

— И что она мне сделает? — усмехнулась Мира. — Двойку по поведению поставит или маму в школу вызовет? Не маленькая уже, не напугаешь таким.

— А ты смелая, — заметил Юра, и в его голосе она услышала одобрение.

— Не смелая, просто знаю свои права, да и её тоже. Кстати, может, всё-таки отсядешь от меня? — резко сменила тему Мира.

Это предложение ожидаемо ошарашило Юру и заставило его растеряться, отчего с него на пару секунд слетела маска самоуверенности. Ей даже стало немного его жаль, поэтому она решила немного смягчить удар.

— Твоя поклонница поопасней этой Грачихи будет, — тихо добавила Мира и кивнула на Дашу, которая временами недовольно поглядывала на них. — Она своими когтями легко мне глаза повыдирает.

Юра сразу понял, о ком идёт речь, и засмеялся, взглянув на Дашу. Та оказалась не настолько тупой, чтобы не понять, что разговор зашёл про неё, поэтому она схватила телефон и начала порывистыми и гневными движениями набирать кому-то сообщение.

— Как можно с такими длинными ногтями так быстро печатать? Получится же какой-нибудь бред, — озвучила свою мысль Мира и тут же ухмыльнулась. — Хотя у таких, как она, ничего другого в принципе получиться не может.

Шутку Юра оценил и громко рассмеялся, отчего Егорыч не выдержал и снова перепрыгнул за соседнюю парту, чтобы подслушать, что такого интересного там обсуждают.

— Не поделитесь шуточками со скучающим человеком? — попросил он, перегнувшись через стол, и вклинился между Юрой и Мирой.

— Да так, Губошлёпову обсуждаем.

Парни заржали уже дуэтом, а Мира лишь сдержанно улыбнулась. Несмотря на неприязнь, которую у неё вызывала Даша, ей стало её немного жаль. И что она в нём нашла? Самодовольный, наглый и совсем бесчувственный. Разве можно так относиться к девушке, которая от тебя очевидно без ума? Это настолько низко, что никаких оправданий найти подобному поведению было нельзя.

Впрочем, Юра с Егорычем от мук совести не страдали и почти лежали от смеха на партах, перекидываясь какими-то своими, только им понятными шутками, но Мира их не слушала. Она вообще ничего уже не замечала, кроме одного человека, который появился в кабинете. Того, кого она накануне безуспешно выискивала по всей школе.

Если бы не его надетая поверх футболки голубая клетчатая рубашка, которая запомнилась Мире, она его, может быть, даже не заметила бы, потому что он зашёл молча, ни с кем не поздоровался и ни на кого не посмотрел. На ходу тряхнув головой, парень откинул с глаз длинную светлую чёлку и прошёл к своему месту так близко с Мирой, что лёгкий поток воздуха обдал её раскрасневшиеся щёки. Всё это время она не решалась напрямую посмотреть на него, но по звуку поняла, что он сел за последнюю парту у окна.

При одном виде этого парня Миру охватило лёгкое волнение, отчего она сидела как на иголках. Так и тянуло обернуться, но она сдерживалась, чтобы не выдавать своего замешательства, и в то же время не могла отделаться от того странного любопытства, которое он в ней вызвал. Было в нём что-то таинственное и притягательное, отчего хотелось разглядывать его, но Мира осознавала, что со стороны это будет казаться странным.

— О-о-о, ты посмотри, кто пришёл, — сквозь смех сказал Юра, когда немного справился со своей истерикой, и хлопнул по плечу Егорова, которому было значительно хуже. — Соловей, ты где был, мы волновались.

Парень в сторону Юры даже не посмотрел. Он достал из рюкзака тетрадь с парой ручек, отбросил его на соседний стул и отвернулся к окну.

— Не, серьёзно, где ты был? — не унимался Юра.

— Так он это, наверное, на юг улетал, в тёплые края, как и все нормальные птицы, — предположил Егоров.

— Они же вроде на всю зиму улетаются, — нахмурился Юра. — А этот уже вернулся.

— Может, он летать разучился? Эй, Соловей, хочешь, мы тебя научим летать? — предложил Егоров и, вскочив с места, кинулся к парню.

Его идею тут же подхватил Кирюшин и подбежал к другу, а Мира медленно обернулась и с полным непониманием уставилась на всё происходящее. Незнакомый ей одноклассник с равнодушным лицом и скрещёнными на груди руками сидел на стуле, который Егоров за спинку тащил назад, а Кирюшин успел распахнуть створку и поторапливал Егорова. Всё это сопровождалось диким ржачем и угрозами выбросить парня из окна.

— Придурок, закрой, холодно же, я заболею! — возмущённо прикрикнула девчонка с первой парты, кажется, Настя.

В порыве веселья её, естественно, никто не услышал, поэтому издевательства над парнем продолжились. Мира всё ещё находилась в состоянии шока, и, обернувшись к одноклассникам, обнаружила, что большинству не было никакого дела до того, что творят эти двое. Многие с нескрываемым интересом за ними наблюдали в ожидании финала представления, кто-то занимался своими делами, несколько человек жаловались на холод и требовали закрыть окно, но активных действий не предпринимали.

— Давай, Соловей, лети, клетка открыта, — продолжал ржать Егоров, пытаясь поднять одноклассника, что у него, к счастью, не получалось.

— Реально, чё ты тупишь? — спросил Кирюшин и, схватив с парты его тетрадь, бросил её в окно. — Смотри, даже твоя тетрадь летать умеет.

Парень упрямо молчал и не реагировал на них, словно не замечал их присутствия, а вот Мира таким ледяным спокойствием похвастаться не могла. Она с бессильным возмущением оглянулась на Юру, но тот лишь снисходительно улыбался и, как все остальные, вмешиваться не собирался. Осознав, что помощи ждать неоткуда, Мира сжала кулаки и приготовилась самостоятельно защищать незнакомца, но буквально за секунду до того, как она подорвалась с места, в класс вбежала растрёпанная Кристина, а вслед за ней появилась учительница.

— Что тут происходит? — спросила она полностью оправданным в этом случае жёстким тоном. — А ну быстро закрыли окно и по местам!

Следующие пять минут были посвящены исключительно Егорову с Кирюшиным. Они получили неслабый нагоняй, но он не вызывал у них никакого раскаяния, наоборот, они едва сдерживались, чтобы в открытую не засмеяться, пока на них смотрела учительница. Ну а парень то ли с прозвищем, то ли с фамилией Соловей подвинул стул обратно к парте и снова устался в окно.

Уроки информатики в этой школе оказались всего лишь условностью. Несколько компьютеров, которые стояли у стены, покрылись толстым слоем пыли и подходили только для урока истории развития технологий, поэтому никто и не думал к ним подходить. Местные активисты столпились вокруг учительницы и обсуждали с ней подготовку новогоднего концерта, а остальные занимались своими делами: катали домашку, болтали и просто бездельничали. К счастью, Кристина увлеклась обсуждением какого-то нового фильма с девушкой, которая сидела спереди, так что у Миры появилась возможность собраться с мыслями и обдумать всё то, что произошло ранее.

Притворившись, будто её привлёк пейзаж за окном, она повернула голову и краем глаза взглянула на того парня. Он сидел один и, низко склонившись над новой тетрадью, что-то сосредоточенно в ней чертил. Рассмотреть его лицо не получалось, так как его скрывала чёлка, и Мира, вздохнув, отвернулась.

Ей хотелось узнать, почему он молчит и ни с кем не общается, почему сидит один, почему Егоров с Кирюшиным к нему прицепились, почему никто не пытался их остановить и что вообще происходит в этом классе, но спросить об этом Кристину она не осмелилась. По крайней мере не сейчас, когда вокруг полно людей. Лучше было дождаться более подходящего момента, а пока Мира предпочла притвориться, что спит, чтобы никто к ней не лез, и легла на парту, подложив под голову руки.

Звонок с урока заставил её вздрогнуть. Она поднялась и сонно оглянулась по сторонам. Ночной недосып не прошёл бесследно: её вырубил не меньше, чем на пол часа, и теперь она с трудом возвращалась в реальность, пока одноклассники гремели стульями и громко разговаривали.

— Эй, соня, — осторожно потрепала её по плечу Кристина. — Ты идёшь?

Мира еле кивнула головой и, поднявшись, забросила так и не пригладившуюся тетрадь обратно в сумку. Тут она вспомнила того, о ком думала перед тем, как заснуть, поэтому обернулась назад, но последняя парта у окна уже пустовала. Когда он успел убежать? Или это всё-таки была какая-то галлюцинация, и никакого парня на самом деле не существовало?

Жить в неизвестности и дальше оказалось невыносимо, поэтому Мира решила расспросить об этом Кристину, а вскоре подвернулся подходящий момент. Перед следующим уроком соседка забежала в туалет и буквально приросла к большому зеркалу, которое висело над раковиной.

— Какой ужас, у меня синяки на пол-лица, — бормотала Кристина, придирчиво изучая своё отражение.

Где она их нашла, Мира не очень понимала, но промолчала.

— Как представлю, что я в таком виде через полгорода ехала, — продолжала жаловаться Кристина, роясь в сумке. — Хорошо хоть, догадалась косметос с собой взять.

Вытащив тюбик с тональным кремом, она принялась замазывать им лицо, а Мира оценила обстановку вокруг. Рядом крутилось несколько девчонок, но они были не из их класса, поэтому можно было спокойно обсудить интересовавшую её тему.

— Слушай, — сказала Мира словно между делом, — а что это за парень, который сегодня появился? Вчера его вроде не было.

— Ты о ком? — спросила Кристина, оторвавшись от своего отражения, и нахмурилась.

— Ну этот, на последней парте у окна сидит.

— А-а-а, — потянула одноклассница. — Это Мишка Соловьёв.

Больше никаких подробностей она не добавила, а закинула тональный крем обратно в косметичку, достала тушь для ресниц и начала красить глаза. Мира же поняла, что поднимать эту тему ещё раз будет уже подозрительно, поэтому отступить было нельзя.

— Странноватый он, ни с кем даже не поздоровался, когда зашёл, — осторожно начала она. — Тоже новенький у вас?

— Не-а, он сам по себе такой, — ответила Кристина, тряхнув волосами.

Теперь внешний вид, судя по всему, устраивал её гораздо больше, поэтому она с лёгкой улыбкой посмотрела на себя в зеркало и закинула косметичку обратно в сумку.

— Он сам ни с кем не общается, — продолжила Кристина. — Сидит там себе по-тихому, отмалчивается, вот я даже не заметила, что его не было. Скучный он, в общем, не парень, а размазня какая-то. Пошли?

Крутанувшись перед зеркалом в последний раз, она выпорхнула в коридор, и Мира без особого воодушевления последовала за ней. Всю дорогу до кабинета одноклассница беззаботно щебетала, но Мира лишь кивала головой и односложно отвечала, потому что её мысли были заняты совсем другими вещами.

Ничего конкретного ей узнать не удалось, кроме разве что имени, но главные вопросы так и остались тайной. Почему его так все не любят? Почему он ни с кем не хочет разговаривать? О чём он думает, когда сидит за своей последней партой и смотрит в окно? Почему-то Мире казалось, что Кристина что-то недоговаривала, так как при всей своей закрытости и необщительности этот Миша не выглядел как типичный неудачник. Наоборот, было в нём нечто таинственное и притягательное, отчего его образ никак не хотел уходить из головы.

Когда она добралась до кабинета, Миша уже сидел на месте, но ко всему вокруг никакого интереса не проявлял. До конца перемены он так и не отрывался от телефона, как, впрочем, и на всех остальных переменах, а на уроках он либо быстрыми отточенными движениями чертил что-то в тетради, либо подолгу изучал унылую ноябрьскую серость за окном. К концу занятий Мира так хорошо изучила его привычки, что обычное любопытство начало казаться не слишком здоровым, и она решила просто познакомиться с ним.

В конце концов, что в этом такого? Она в этом классе была новенькой, так что её желание узнать, с кем ей придётся учиться, не выглядело странным. К тому же к их разборкам она никакого отношения не имела и могла общаться с кем угодно, даже если все остальные этого человека недолюбливали.

Следующим утром Мира направлялась в школу с твёрдым решением осуществить свой план, но, естественно, подобраться к Мише оказалось непросто. Как-то ненавязчиво заговорить с ним в кабинете не получалось, потому что он неизменно сидел за последней партой, и любая попытка подойти к нему вызвала бы у всех множество вопросов, а в остальное время за Мирой неотступно следовала Кристина. Несмотря на то, что одноклассница казалась милой и даже чуть-чуть наивной, раскрывать перед ней свой интерес Мира не спешила, поэтому напряжённо выжидала подходящий момент, который всё никак не подворачивался.

Только перед пятым уроком удача ей улыбнулась. Она шла с Кристиной к следующему кабинету, когда заметила Мишу, который никуда не торопился. Его рюкзак валялся на подоконнике, а сам он печатал сообщение в телефоне, и Мира решила, что лучше момента она не найдёт.

— Извини, мне маме позвонить надо, — сказала она Кристине. — Я тебя догоню, ладно?

— Хорошо, я тебя жду, — улыбнувшись, кивнула одноклассница.

Оставшись в одиночестве, Мира отошла в сторону и для вида ответила на пару сообщений, которые ей прислали друзья, а затем направилась к Мише, пока он не успел уйти. Ничего особого она придумывать не стала, просто хотела подойти и заговорить под благовидным предлогом, чтобы показать, что, в отличие от остальных, настроена дружелюбно, а потом ненавязчиво познакомиться.

— Привет, — сказала Мира. — Извини, что отвлекаю, но мы вроде теперь в одном классе учимся, и я хотела спросить...

Парень слегка поднял голову, взглянув на неё из-под чёлки, и Мира неожиданно для себя растерялась, когда так близко увидела его глаза. Ей вообще до этого момента не удавалось как следует разглядеть его лицо, но они оказались именно того цвета, который она себе представляла. Светло-голубые.

— Я ещё не очень хорошо всё тут запомнила, — взяв себя в руки, продолжила Мира. — Можешь подсказать, где следующий урок будет?

Она предполагала, что Миша объяснит ей дорогу, после чего она представится и, возможно, у них завяжется разговор, но он посмотрел на неё без особого интереса и лишь указал на ближайшую лестницу двумя длинными тонкими пальцами.

— Третий этаж, — коротко сказал он неожиданно низким приятным голосом и, не дожидаясь ответа Миры, схватил рюкзак и ушёл совсем в другую сторону.

После этого она окончательно потерялась и уставилась ему вслед с таким лицом, будто он её послал. Мира, конечно, не ожидала, что они сразу же станут лучшими друзьями, но ей хотелось бы, чтобы их общение продлилось чуть дольше. Теперь же неясно, как быть дальше, потому что желанием знакомиться с ней Миша определённо не горел. Вздохнув, Мира непонимающе усмехнулась и направилась к лестнице, по которой надеялась подняться вместе с ним.

Глава 4. Розыгрыш

Удерживать в одной руке стопку учебников и тетрадей получалось с трудом, но Мира стойко терпела эти неудобства и делала вид, будто говорит по телефону, пока прогуливалась возле окна рядом с боковой лестницей. Чувствовала она себя при этом полной идиоткой, но никакого другого выхода не видела, поэтому продолжала разыгрывать этот спектакль, который предназначался для одного-единственного человека.

С того самого неудавшегося разговора прошло уже несколько дней, но Мира никак не могла выбросить из головы мысли об этом Мише. Сначала её, конечно, обидело то пренебрежение, с которым он к ней отнёсся, но не обращать на него внимания всё равно не получалось. Его закрытость интриговала, и Мире ужасно хотелось узнать, почему же между ним и всеми остальными выросла толстая стена отчуждения, причин для которого она не видела. Да, Миша казался странноватым, но это, скорее, было следствием, а не причиной того, что он превратился в изгоя. В целом же по характеру он вроде как был спокойным, иногда даже чересчур, да и внешне был ничего... очень даже ничего, если честно, и все эти факты никак не совпадали с его ролью в классе.

Короче, вопросов до сих пор оставалось больше, чем ответов, поэтому Мира решила добиться своего и всё-таки поговорить с ним, даже если для этого потребуются какие-нибудь уловки. В результате она придумала план, который казался крайне рискованным, но при этом довольно простым.

До начала урока оставалось минут пять, и Мира молилась всем богам, чтобы ей случайно не встретился Юра или кто-то из его свиты. Эти трое способны были намертво к ней прицепиться и всё испортить, но, к счастью, пока мимо проходили другие одноклассники, которые ограничивались приветственным кивком головой.

Наконец, она заметила, что по лестнице поднимался Миша. Попытка была только одна, и никак нельзя было запороть её, так что Мира прижала к себе учебники и увлечённо заговорила в отключённый телефон, а краем глаза она продолжила следить за Мишей. Шёл он неспеша и, судя по всему, отчаянно боролся со сном, что было ей только на руку — среагировать он не успел бы.

— Ладно, мам, я поняла, мне идти пора, потом позвоню, — сказала Мира и резко повернулась, когда он проходил мимо.

Всё произошло именно так, как и планировалось: она со всего размаху налетела на него, а рука, онемевшая из-за тяжести книг, сама собой разжалась. Учебники с грохотом упали на пол, а один из них уголком приземлился прямо на ногу Мише. На нём были простые тканевые кеды, так что этот удар оказался довольно болезненным. Резко отдернув ногу, он поморщился.

— Ой, прости, пожалуйста, — залепетала Мира, — я тебя совсем не заметила. Очень больно?

— Нет, — коротко ответил Миша, хотя было очевидно, что он врёт.

На такой эффект Мира не рассчитывала, поэтому растерялась и вместо того, чтобы завязать разговор, присела на корточки.

— Прости, — виновато сказала она, собирая книги. — Я тебя правда не заметила.

Миша ничего не ответил, но не ушёл, а поднял тетрадь, которая отлетела в сторону, и передал её Мире.

— Вот, — опять односложно сказал он.

— Спасибо, — ответила она, улыбнувшись настолько мило, насколько была способна, но в следующую секунду улыбка сползла с её лица.

Следом за Мишей по лестнице поднимался Юра, поэтому он стал невольным свидетелем этой аварии. Пройти мимо он вполне ожидаемо не смог и тут же подлетел к ним.

— Эй, Соловей, ты глаза разуй или очки купи, — рявкнул он, толкнув Мишу в спину. — Вали отсюда, пока я тебе клюв не обломал.

Миша равнодушно пожал плечами и пошёл прочь, потеряв к Мире всякий интерес, которого в принципе и так не наблюдалось, а она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Вот надо же было появиться этому Юре. Всё шло практически идеально: они с Мишей перекинулись парой слов, и он даже помог ей, а дальше они должны были пойти вместе к кабинету, и за это время вполне могли познакомиться и о чём-нибудь поговорить, но... Но этот напыщенный альфач всё испортил.

— Давай помогу, — предложил Юра и попытался взять книги у неё из рук.

— Не надо, сама донесу, — грубо ответила ему Мира и ушла от него.

Он конечно же увязался за ней, чем только усилил её раздражение, но сам Юра, кажется, этого не замечал. Он что-то рассказывал, однако Мира не слушала его, а думала о том, как быть дальше. Трюк, на который она возлагала большие надежды, с треском провалился, и теперь нужно было выдумывать что-то новое и что-то более действенное, потому что после этого случая Миша опять не обращал на неё никакого внимания.

Целых два урока Мира ломала голову над новым планом, из-за чего держалась обособленно ото всех и на все вопросы отвечала чисто машинально, несмотря на все попытки Кристины разговорить её. Отвлечь Миру смог только Егоров, который перед историей, когда все уже сидели в кабинете, вышел на середину класса, а затем забрался с ногами на учительский стол.

— Внимание, господа и дамы, дамы и господамы! — решительно выкрикнул он, интонацией и жестами пародируя Ленина. — Необходимость Великой антиграчёвской ученической революции, о которой мы столько говорили, не вызывает у нас никаких сомнений!

В классе раздались аплодисменты и одобрительные вопли, а кто-то даже засвистел. Вдоволь насладившись овациями, которые вызвала его пылкая речь, Егоров спрыгнул со стола на пол и продолжил вещать с заразительным энтузиазмом.

— Мы абсолютно уверены, что историчка выжила из ума, осталось только убедить в этом её. Сегодня, когда она вызовет меня к доске, я над ней немного подшучу, а вы меня поддержите, окей?

— А если не вызовет? — спросила его брюнетка, имени которой Мира до сих пор не знала.

— Сто процентов, вызовет, не меня, так Кирюху, у нас с ним за прошлый урок прогулы стоят, а для неё это как красная тряпка для быка, — объяснил Егоров и подошёл к первой парте в среднем ряду, за которой сидела отличница Настя. — Авдеева, ты поняла? Никакой самостоятельности.

— А если я не хочу? — спросила она, нервно ухватив прядь пшеничных волос. — Мне-то зачем подставляться?

— А золотую медаль хочешь? С Грачихой тебе только одна медалька светит — шоколадная, и то, если ты сама себе её купишь.

Настя опустила голову и ничего не ответила. У Миры эта идея тоже не вызывала воодушевления, но она высказаться не успела, так как из коридора прибежал Кирюшин, которого Егоров оставил стоять на стрёме.

— Шухер! Идёт, — предупредил он и бросился к своей парте.

Не успели пацаны усесться на места, как в кабинет ворвалась учительница.

— Тема сегодняшнего урока: «Гражданская война и иностранная интервенция в России», — протараторила она, не успев даже дойти до своего стола. — Садитесь.

Звонка ещё не было, поэтому Мира и не думала вставать, но остальные подорвались как по команде, стоило только историчке появиться в классе.

— И рассказывать обо всём этом нам будет... — сделала паузу Грачёва и провела ручкой по списку в блокноте, которым пользовалась вместо журнала. — На прошлом уроке у нас не было Егорова... Ну посмотрим, чем он занимался. Что-то мне подсказывает, что совсем не историей.

Учительница строго посмотрела на него, и он нехотя поднялся, но продолжил до последнего читать текст параграфа. Только после того, как Грачёва поторопила его, он наконец-то оторвал взгляд от учебника и с самым серьёзным лицом промаршировал к доске. Его монотонный бубнёж очень быстро всем наскучил, поэтому слушали его вполуха и уже не ждали нечего интересного, но он про свой розыгрыш не забыл.

— Замечательно, Егоров, — перебила его историчка. — Расскажи мне поподробнее, как это у тебя политика военного коммунизма началась в двадцать восьмом году, если Гражданская война в двадцать втором закончилась?

— Почему в двадцать втором? — спросил он и изобразил неподдельное удивление. — Гражданская война закончилась в тридцать втором.

— Здравсьте, — потянула учительница.

— Здравствуйте, — кивнул Егоров.

По классу прокатился смешок. Даже Мира невольно уставилась на него, хотя за время его ответа у доски успела снова погрузиться в свои мысли.

— Ты с чего это взял? — спросила его историчка.

— В учебнике так написано.

— И где это тут написано? Иди сюда, показывай.

Учительница подвинула раскрытую книгу на край стола, и Егоров подошёл к ней. Он перелистнул пару страниц и ткнул пальцем в сноску на полях.

— Вот здесь.

— Егоров, у тебя со зрением проблемы? Тут двадцатый год написан.

— Да тридцатый же! Ольга Викторовна, вы меня разыгрываете? — не выдержал Егоров.

Актёром он был отменным. Его возмущение выглядело таким искренним, будто он и вправду оказался оскорблён до глубины души, а в его глазах не мелькало ничего даже отдалённо похожего на хитрость и веселье.

— По-моему, это ты мне голову задурить пытаешься, — сказала учительница и повернулась к первой парте. — Серов, скажи ему, в каком году Гражданская война закончилась.

— Э-э-э... Так, это самое... — не сразу сообразил парень, который, похоже, вообще не понимал, о чём идёт речь. — В тринадцатом.

— Ещё лучше, — поразилась Грачёва.

— Ой, то есть это, в тридцатом... втором, — добавил он, окончательно запутавшись и запутав всех.

Историчка с недоумением уставилась на Серова, а Егоров соорудил злую мину и незаметно для неё постучал себе по голове, чтобы продемонстрировать своё мнение об умственных способностях одноклассника.

— Так, вы повеселиться решили? — строго спросила учительница. — Авдеева, помоги этим клоунам.

Оторвав взгляд от учебника, Настя затравленно посмотрела на Грачёву, а потом на Егорова. Тот поиграл бровями, напомнив об уговоре, и Настя снова опустила глаза.

— Они всё правильно говорят, — тихо, чуть ли не плача, сказала она.

К такому повороту Грачёва была не готова, поэтому откинулась на спинку стула и уставилась на неё округлившимися от шока глазами.

— Авдеева, и ты туда же? Вот уж от кого не ожидала, — покачала она головой и кивнула Егорову. — Ладно, садись.

Под тяжёлым взглядом исторички все замерли, уткнувшись в учебники, и, кажется, даже дышать перестали, поэтому в классе воцарилось гробовая тишина. Мира тоже на всякий случай притворилась ужасно занятой, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание, так как второй урок подряд закусываться с училкой в её планы не входило.

— Хорошо, — поджав губы, сказала Грачёва и потянулась к своему блокноту. — Посмотрим, у кого ещё альтернативная версия событий. Веденина?

Даша отвлеклась от спрятанного в учебнике телефона и едва слышно выдохнула.

— В тридцать втором, — после недолгого молчания хрипло ответила она.

На её счастье, учительница никак не стала комментировать это, а продолжила опрашивать класс. Все остальные повторяли одно и то же, из-за чего лицо Грачёвой с каждым разом становилось более суровым.

— Иваницкая, — объявила она.

От неожиданности Мира вздрогнула, так как свою фамилию она планировала услышать в самом конце списка и надеялась, что до неё очередь дойдёт нескоро, но, как оказалось, историчка любила порядок и последовательность во всём.

Участвовать в этом цирке Мира не очень-то хотелось. Она не видела в этом розыгрыше ни пользы, ни веселья, и уж тем более не понимала, какую цель преследовал Егоров. Если вывести училку из себя, то у него определённо получилось, только вот даже самый недалёкий человек понял бы, что это чревато серьёзными проблемами для всего класса.

— Я не знаю, — невозмутимо ответила Мира, решив придерживаться нейтралитета. — Я не подготовилась к уроку.

— Ну хотя бы честно, — заметила Грачёва и продолжила допрос.

Остальные её примеру не последовали и поддержали версию Егорова, но Мира на это было наплевать. Ничего криминального она не сделала, да и не обязана была участвовать в развлечениях людей, которых знала меньше недели, так что совесть её не мучила, зато мучило любопытство. Мира ужасно хотелось узнать, как поступит Миша. Почему-то ей казалось, что его ответ многое о нём скажет, даже если он будет, как обычно, краток и немногословен, и она ждала момента, когда очередь дойдёт до него.

— Соловьёв, — объявила учительница.

Глаза от списка она уже не поднимала и чисто механически перечисляла фамилии, дожидаясь однотипного ответа, а затем переходила к следующему ученику. Мира же ощутила всплеск необъяснимого волнения и с напряжением вслушалась в тишину, которая установилась после того, прогремел голос Грачёвой.

— В тысяча девятьсот двадцать втором, — наконец, громко и чётко сказал Миша, не отрываясь от тетради, в которой что-то чертил.

Мира едва заметно улыбнулась. Наверное, по отношению к одноклассникам это было некрасиво и вообще выглядело как подстава, но ведь и они не очень-то хорошо вели себя с ним, чтобы в чём-то его обвинять. К тому же этот ответ Мира понравился, и не только потому, что Миша за раз произнёс больше двух слов, но и потому, что это было смело, хоть и безрассудно. В общем, убеждённости в том, что Миша не так прост, только укрепились в её сознании.

Сразу после его ответа в кабинете вновь установилась тишина. Все непонимающе переглядывались, и даже историчка зависла на несколько секунд, не в состоянии осмыслить то, что он сказал, но вскоре она ожила.

— Неужели, — потянула Грачёва, отложив в сторону блокнот. — Всё-таки это не я с ума сошла, это у вас фантазия разыгралась. Ну что же, в таком случае достаём двойные листочки и пишем самостоятельную работу по Гражданской войне. У нас сегодня два урока, так что торопиться некуда, времени достаточно. Вопросы задавать не буду, у вас познания в этой теме, судя по всему, лучше, чем у меня, но учтите — проверять буду по тому, что написано в

учебнике. Тех, кто меня сегодня обманывал сразу предупреждаю: вам минус балл автоматом и неуд в журнал за домашнее задание.

Класс недовольно загудел, но в открытую высказывать Грачёвой своё недовольство никто не рискнул, поэтому все зашуршали тетрадами и выдернутыми из них листами.

— Ну ты и козлина, Соловей, — шепнул через ряд Егоров. — Мы с тобой ещё поговорим.

Ненавязчиво обернувшись назад, Мира обнаружила, что Миша сидел, закрывшись от всех рукой и не реагировал на угрозы, а продолжал рисовать в тетради. То ли ему было всё равно, то ли он не воспринимал всё это всерьёз, однако Егоров вместе со своей компашкой вполне могли перейти от слов к делу, и это заставляло её нервничать.

Едва прозвенел звонок, как Грачёва собрала у всех листочки. Миша сдал свою работу одним из первых, Юра с Кирюшиным всучили ей два бумажных огрызка без особых следов умственной работы, а Егоров передал мелко исписанный двойной листок. Мира же не соврала учительнице, когда сказала, что ничего не учила, и теперь не сомневалась, что первой оценкой в новой школе станет двойка, которую Грачёва поставит ей с огромным удовольствием.

На перемену историчка ожидаемо никого не отпустила и сразу перешла к новой теме, но на этот раз Мира не стала ссориться с ней из-за этого. Сейчас её гораздо больше волновало то, к чему могло привести отчаянное безрассудство Миши. Если одноклассники сильно разозлились, то могли вытворить что угодно, и никто их не остановил бы — в этом Мира уже убедилась, но как она могла им помешать? Не преследовать же их, чтобы вовремя вмешаться.

Решения за весь урок она так и не нашла, но к счастью, после звонка с урока Юра и его приятели, судя по разговорам, пошла на улицу, и Мира облегчённо выдохнула. Хотя бы на этой перемене обойдётся без проблем, а там, может, они про всё забудут.

— Ужас, я так устала, — пожаловалась Кристина, когда они с Мирой оказались в коридоре. — Вот надо это было Соловьёву? Всегда молчит, а когда реально надо было промолчать, его прорвало. И так его никто не любит, а теперь вообще без шансов. Я-то думала, что он хоть в десятом с кем-то подружится, у нас же классы смешали, многие вообще ушли, можно же было новую жизнь начать, друзей найти, нет, он опять засел за свою последнюю парту и оттуда продолжает портить себе жизнь и нам заодно.

Гневную речь одноклассницы Мире не перебивала, потому что та наконец-то заговорила на интересную ей тему, однако ничего нового она не услышала, только всё те же обвинения, с которыми Мира была совсем не согласна. Будь она на месте Миши, поступила бы точно так же. Какой смысл поддерживать тех, кто над тобой смеётся и за человека не считает?

Впрочем, у этих претензий, возможно, было какое-то обоснование, и не исключено, что Мира о чём-то просто не знала, однако спросить об этом не успела. Кабинет химии оказался буквально в паре шагов, и там было не до разговоров на подобные темы. Миша тоже уже был там и, как всегда, сидел один, уткнувшись в телефон, так что подобраться к нему, не привлекая внимания остальных Мира по-прежнему не могла.

После двух уроков подряд у Грачёвой все остальные занятия казались курортом, поэтому остаток учебного дня протекал спокойно, пока не дошло до английского. Миша с Юрой были в другой группе, место рядом с Кристиной занимал парень, имя которого Мире не запомнилось, поэтому она оказалась за одной партой с Кирюшиным, который сам предложил ей это соседство.

Не успела она сесть рядом с ним, как в ту же секунду к ним повернулся Егоров.

— Ну и денёк сегодня, — выдохнул он. — Я уже целую пачку посадил.

— Ага, мою, — подчеркнул последнее слово Кирюшин.

— Кирюх, ну чё ты быкуешь, где я ещё курево возьму? Ты же знаешь, что я бросил. Тебе сегодня Соловей и материальный, и моральный ущерб возместит.

— Научим его зерно клевать, — заржал Кирюшин.

— А что будет сегодня? — вклинилась в их разговор Мира, хотя уже догадывалась, что они имели в виду.

Егоров с Кирюшиным переглянулись, а затем посмотрели на неё, словно оценивая, можно ли ей доверять. Похоже, фейс-контроль Мира прошла, потому что Егоров поманил ей пальцем к себе.

— Мы сегодня после уроков хотим с ним поговорить и вежливо объяснить, что он не очень хорошо поступил, — зашептал он ей на ухо.

— А мы — это кто? — уточнила Мира.

— Мы вдвоём, кто ещё. Ну и Юрец с нами за компанию. Если хочешь, тоже можешь присоединиться, даже ты Соловья с одного удара вынесешь.

Парни опять заржали, а Мира лишь для приличия улыбнулась и не стала продолжать эту тему. С этого момента английский её мало интересовал: ко всем проблемам прибавилась ещё и необходимость вытаскивать Мишу из неприятностей, о которых он сам пока не знал. С этими двумя разговаривать было бессмысленно, а вот Юру вполне можно было переубедить, по крайней мере, аргументов в споре с ним у неё было чуть больше, хотя использовать их она стала бы только в самом крайнем случае. Например, как сейчас.

Тянуть с этим Мира не стала и сразу после английского решила поговорить с Юрой. Так как вторая группа занималась в соседнем кабинете, подловить его оказалось несложно, а вот отвязаться от Кристины было труднее, потому что одноклассница опять прилипла к ней.

— Слушай, ты иди без меня, — сказала ей Мира, когда они вышли в коридор. — Я тебя потом догоню.

Кристина растерялась, но всё-таки кивнула и ушла, а Мира бросилась за Юрой. Воссо-единившись с друзьями, он направился с ними в противоположную ото всех сторону, причём с такой скоростью, что угнаться за этой троицей было сложно. Некоторое время Мира так и шла за ним следом, не решаясь подойти напрямую, но потом поняла, что так может продолжаться бесконечно, поэтому пересилила себя.

— Юр, подожди! — окликнула она его.

Сначала он, обернувшись, удивлённо посмотрел на неё, а затем на его лице расплзлась ухмылка. Мира еле удержалась от того, чтобы не закатить глаза, но вовремя напонила себе, что затеяла это ради высшей цели, поэтому сдержалась и лишь понадеялась, что долго их общение не продлится.

— Можно тебя на минутку, пожалуйста? — со стальными нотами в голосе попросила она, чтобы он не придумал себе ничего лишнего.

Впрочем, на уме у этих придурков было только одно, поэтому Егоров с Кирюшиным моментально зашептались и ободряюще похлопали Юру по плечу, а он смерил её таким взглядом, будто она ему в любви призналась. Мира не стала это никак комментировать и просто отошла к подоконнику.

— Чего? — спросил Юра, продолжая лыбиться.

— Это правда, что вы сегодня собираетесь Соловьёва побить?

Услышав это, Юра тут же изменился в лице.

— Ты-то про это откуда услышала? — удивился он.

— Не важно, — жёстко ответила Мира. — Я просто хотела сказать, что вы ведёте себя, как самые последние идиоты. Сами на него накидываетесь, а потом жалуетесь, что он вас бедных-несчастливых обидел. Не лезли бы к нему — он бы вас не подставил. А уж додуматься до того, чтобы толпой на него напасть, я даже не знаю, что про это сказать, это просто... Да это за гранью просто, я такого вообще не понимаю! Если вы всё-таки это сделаете, даже не подходите ко мне ближе, чем на километр, иначе я сама тебя и твоих дружков отметелю.

— Да подожди ты, ты вообще не так всё поняла, — начал оправдываться Юра, но Мира выставила ладонь, чтобы остановить его.

— Мне это совершенно не интересно, — резко ответила она. — Я всё сказала.

На этом Мира резко прекратила отчитывать Юру, развернулась и ушла прочь, оставив его в полнейшем замешательстве. Он не пытался догнать её, но она очень надеялась, что его очевидная симпатия к ней сыграет свою роль, и хотя бы на некоторое время он отцепится от Соловьёва, ну а потом... Потом можно будет ещё что-нибудь придумать.

Впрочем, новая идея посетила Миру неожиданно быстро, так что остаток учебного дня она еле могла усидеть на месте от воодушевления и радости. Эта затея казалась невероятно удачной, потому что позволила бы ей спокойно общаться с Мишей, не вызывая подозрений у одноклассников, но самостоятельно осуществить такое не получилось бы. Нужно было заручиться поддержкой одного человека, и сделать это Мира решила после уроков, так как последним занятием как раз стояла литература.

Когда наконец-то прозвенел звонок, и все с шумными разговорами засобирались по домам, она не торопилась сбегать, а специально тянула время. Мира в очередной раз сказала Кристине, чтобы та уходила без неё, а сама копалась в сумке до тех пор, пока класс не опустел, после чего подошла к учительскому столу и присела за первую парту.

— Мирослава, у тебя какой-то вопрос есть? — спросила классная руководительница, заметив её.

— Да, Татьяна Сергеевна, я хотела кое-что с вами обсудить.

— Это из-за учительницы истории? Я понимаю, она своеобразный человек, но, думаю, ты к ней привыкнешь, всё-таки учитель она хороший.

Так историчка уже нажаловаться успела? Мира мысленно усмехнулась, представив, в каких красках та расписала их первую встречу и сколько всего придумала от себя. Наверное, выставила её настоящим монстром, забыв упомянуть, что сама регулярно оскорбляет учеников и не соблюдает расписание звонков. Но это же так, мелочи, не правда ли?

— Нет, я из-за другого к вам пришла. Я тут меньше недели учусь, так что, может, мне и не надо влезать, — пожала плечами Мира, — но я заметила, что в этом классе... Как это сказать, не совсем здоровая атмосфера, понимаете?

— Пока не совсем, — отрицательно покачала головой учительница.

— Дело в том, что пару дней назад я видела, как одного человека из нашего класса чуть в окно не выкинули, а остальные просто сидели и смотрели, и даже не пытались никого остановить. А сегодня те же самые одноклассники собирались его после школы подкараулить, думаю, вы понимаете, зачем. Для меня это удивительно, в моём классе никто подобного себе не позволял, и если когда-то были такие попытки, они всеми пресекались, а тут словно никого это не волнует. Вы же понимаете, о ком я говорю?

— Догадываюсь, — сказала Татьяна Сергеевна. — Ты про Мишу Соловьёва, верно?

— Да, — кивнула Мира. — Я искренне не понимаю, почему никто ничего не делает, мне кажется, эту ситуацию нужно как-то менять. Он же может серьёзно пострадать, и не только он, я уже не раз замечала, что многие молчат просто потому, что боятся высказать своё мнение.

— Я с тобой совершенно согласна, но дело в том, что это всё не так просто, это долгая и комплексная работа...

— Но кое-что мы можем сделать уже сейчас, — понизив голос, намекнула Мира.

— И что же ты предлагаешь?

— Ну, вы же понимаете, что всё это происходит из-за нескольких человек, и так вышло, что у меня сложились с ними неплохие отношения. По крайней мере, они меня приняли, и я думаю, что у меня получилось бы повлиять на них, но я бы хотела сделать это как-то незаметно. Мне кажется, если я в открытую буду защищать Соловьёва, всё станет только хуже, да и вообще тут лучше действовать незаметно. В общем, я подумала, что если вы устроите в классе небольшую перетасовку и пересадите меня к нему, то это очень поможет решить эту проблему. В таком случае я смогу вмешиваться, если, например, они опять к нему полезут,

и может, я поговорю с ним самим, ну, чтобы это не выглядело слишком резко, я же не могу просто подойти и завязать на эту тему разговор.

Татьяна Сергеевна на несколько секунд задумалась, посмотрев на ручку, которую крутила в руках, а затем перевела взгляд на Миру.

— Знаешь, я думаю, можно попробовать, — сказала учительница. — К тому же давно пора подтянуть дисциплину в классе. Сегодня я подумаю, кого с кем лучше посадить, а завтра на русском мы это сделаем, хорошо?

От радости Мира готова была с воплями кинуться на шею учительнице и рассыпаться перед ней в благодарностях, но сдержалась и поднялась с места со спокойной улыбкой.

— Спасибо, что поддержали, — поблагодарила она. — Я не сомневалась, что вы меня поймёте.

— Я рада, что тебе не всё равно, — улыбнулась в ответ Татьяна Сергеевна. — Знаешь, часто учителя мало что могут сделать, если все в классе настроены против кого-то. Мы же не можем контролировать то, что происходит после уроков, и о чём все общаются, так что...

— Я понимаю, — сказала Мира. — Но вы не волнуйтесь, я постараюсь как-то улучшить ситуацию. До свидания.

Взяв сумку, она направилась к выходу, но уже у двери её окликнула учительница.

— Мирослава, а ты случайно не учительницей хочешь стать? — спросила её Татьяна Сергеевна.

— Нет, а что? — удивилась Мира.

— Ничего, просто показалось, что у тебя хорошо получится управляться с учениками, — заметила классная руководительница. — У тебя определённо есть к этому талант.

— Я подумаю, — улыбнулась Мира и вышла в коридор.

Глава 5. Ссора

Радость от удачно реализованного плана очень быстро сменилась страхом. В теории-то всё складывалось идеально, а вот в реальности могло произойти что угодно, и мысли об этом сами по себе лезли в голову. Вдруг, узнав Мишу поближе, она только разочаруется и пожалеет о том, что затеяла это? Вдруг Юра разозлится из-за их общения и от этого у Миши появится ещё больше проблем? Да и вдруг всё вообще пойдёт не так, как она себе нафантазировала?

Эти вопросы мучали Миру полночи, отчего она толком не выспалась и на следующий день сонно бродила по школе. Собраться у неё никак не получалось, а русский стоял только третьим уроком, поэтому она напряжённо ожидала его, продолжая гонять по кругу одни и те же вопросы. Даже Кристина заметила, что Мира сама не своя, и в конце концов не выдержала.

— С тобой всё в порядке? — поинтересовалась соседка, когда они уселись за парту в кабинете русского.

— Да, а что? — спросила Мира.

— Ты сегодня какая-то странная.

— Просто живот болит, — соврала Мира, нервно сцепив подрагивавшие пальцы.

Кристина сочувственно кивнула и не стала больше лезть с расспросами, а Мира обхватила голову руками и закрыла глаза.

Неужели её волнение настолько очевидно? Раньше ей удавалось сохранять хладнокровие в более серьёзных ситуациях, так куда подевался этот навык? Теперь она даже на последнюю парту старалась не смотреть, потому что сердце тревожно сжималось от одного взгляда на Мишу, который по-прежнему её не замечал. А когда раздалась трель звонка, Мира от неожиданности вздрогнула и подняла голову.

Все тут же встали из-за парт. Татьяна Сергеевна тоже оторвалась от документов, которые разбирала на перемене, и, поднявшись, вышла на середину класса с листочком в руке.

— Здравствуйте, — бодро сказала она, одарив всех широкой улыбкой, и кивнула. — Садитесь.

Началась привычная подготовительная суэта: заскрежетали ножки стульев, зашелестели страницы учебников, а разговоры негромким гулом заполнили кабинет. Татьяна Сергеевна никого не торопила и сама перешучивалась с теми, кто сидел на передних партах, ну а когда основная суматоха утихла, она развернула листочек и хитро посмотрела на учеников.

— У меня для вас плохие новости, друзья, — объявила учительница, изобразив грусть на лице.

— Татьяна Сергеевна, — прервал её Егоров. — А вы знаете, что раньше делали с теми, кто приносил плохие новости?

— Не знаю, что с ними делали раньше, — посмотрев на него с шутливой строгостью, ответила учительница, — но у нас на уроке их заставляют писать самостоятельную работу.

Егорова такая перспектива, похоже, не радовала, поэтому он уgomонился, а Татьяна Сергеевна вернулась к первоначальной теме.

— Так вот, — сказала она. — Настало время устроить великое переселение народов.

Класс недовольно загудел, но Татьяна Сергеевна осталась непреклонна.

— Вот только не надо этого, — повысила она голос. — Меня учителя уже закидали жалобами на дисциплину. Я нормально относилась к тому, что вы сами выбирали, с кем сидеть, но я же думала, что вы люди взрослые, будете вести себя соответственно, а за вами, оказывается, как за первоклассниками следить надо. В общем, не будем тратить время от урока, так что быстро все пересаживаемся.

Несмотря на то, что возмущённый галдёж не утихал, она принялась перечислять фамилии, начав с первой парты у учительского стола. Пересаживали не всех — некоторые остались

на своих местах, но вот местным модницам не повезло, потому что подружку Даши отправили за третью парту у окна вместо второй в входа, и они явно были этим недовольны. Остальные тоже мигрировали без особого энтузиазма, и только Мира, несмотря на волнение, ждала своей очереди.

— Так, пятая парта... — наконец-то сказала Татьяна Сергеевна. — Соловьёв остаётся на своём месте, а к нему пересаживается Иваницкая. Первая парта среднего ряда — Кобалев пересаживается к Хорошиной, а на его место...

Всё произошло так быстро, что Мира и понять не успела, хотя готовилась к этому моменту. В её воображении он выглядел более торжественно, а на деле получилось как-то скомкано и обыденно, но это, наверное, было даже хорошо. По крайней мере, никто ничего не понял, и только Кристина расстроено нахмурилась, потому что расставаться с ней не хотела. Мира в ответ лишь пожала плечами и, схватив вещи, направилась к новому месту, до которого было всего пара шагов.

Миша сидел с телефоном, закрывшись ото всех рукой, и на её приближение никак не отреагировал. Не повернулся он даже когда Мира положила учебник с тетрадью на край стола и села рядом, поэтому она решила хоть как-то обозначить своё присутствие.

— Привет, — тихо сказала Мира, а Миша в ответ кивнул, но так и не посмотрел на неё.

Страх моментально сменился раздражением. Мира из кожи вон лезла, чтобы познакомиться с ним, а ему было всё равно. Похоже, он в принципе не совсем понял, кого к нему посадили. Действительно, какая разница, Мира ли, Кристина, Наташа или ещё кто — ему все были одинаково неинтересны.

Это открытие оказалось настолько неприятным, что вся радость от осуществлённого плана резко улетучилась, а вместо неё осталась только злость, причём главным образом на саму себя. Всё-таки в глубине души Мира надеялась на то, что она в его глазах будет не такой, как все остальные в классе, что он всё-таки обратит на неё внимание и всё получится само собой, но мечты разбились о суровую реальность, в которой Мише ни до кого не было дела.

— Четвёртая парта, — тем временем продолжала зачитывать список учительница. — Егоров садится к Лапиной.

— Татьяна Сергеевна, вы же сами в понедельник меня сюда пересадили! — заявил Егоров и, поднявшись со стула, с неподдельной обидой и возмущением уставился на учительницу.

— Пересадила, но лучше не стало, так что возвращайся обратно, — с деланной строгостью ответила она.

— А вот не пойду! — отчеканил Егоров и сел обратно.

Попытка устроить открытый бунт не удалась, потому что Татьяна Сергеевна идти на попятную не стала и упёрла руки в бока.

— Егоров, если ты сейчас не встанешь и не пересядешь, я тебя сама на руках перенесу, — строго прикрикнула она.

— Татьяна Сергеевна, — тут же сменил интонацию Егоров и кокетливо заводил пальцем по парте. — Не искушайте меня, я ведь и согласиться могу.

В глазах у учительницы мелькнули искры смеха, но она сдержалась и сохранила серьёзное выражение лица, а потом и вовсе сделала несколько шагов к Егорову.

— Ладно, ладно, — резко согласился он и поднялся. — Истинный джентльмен не позволит даме носить себя на руках.

Схватив рюкзак, из которого не доставал ничего, Егоров принципиально пошёл к доске и обогнул первую парту, хотя обойти класс сзади было бы ближе. По пути он с вызовом посмотрел на Татьяну Сергеевну, чтобы показать, что недоволен сложившейся ситуацией и собирается оспаривать её и дальше, а затем подошёл к новому месту, бросил рюкзак на пол и опёрся на спинку стула.

— Привет, красотка, тут свободно? — спросил он Кристину и подмигнул ей.

— Занято, — сдержанно засмеявшись, ответила она.

— Это совсем неважно, — сказал Егоров и, присев, положил руку на спинку стула Кристины. — Главное, чтобы твоё сердце было свободно.

Она заливисто засмеялась, после чего посмотрела на Миру и покачала головой, демонстрируя своё иронически-снисходительное отношение к Егорову, который продолжал ей что-то нащёптывать.

Жаль, что Мира не могла сделать так же, и ей приходилось выдумывать всякие предлоги для общения, которых было не так уж и много. Впрочем, и они не работали, потому что ей из Миши не удалось вытащить ни одного слова, и она совершенно не представляла, как это можно сделать. Представиться и спросить, как дела? Просто заговорить о чём-то, будто они с первого класса сидят за одной партой? Мира взглянула на Мишу, который так и сидел, загородившись от неё рукой, и поняла, что всё это будет бесполезно. Лучше уж молчать, чем выслушивать односложные ответы от него.

Так, в тишине, и прошёл урок, а как только прозвенел звонок, Миша закинул вещи в рюкзак и быстро ушёл из кабинета, не оставив ни единой возможности заговорить с ним на перемене. Зато Кристину распирало от эмоций, которыми она не могла не поделиться с Мирой.

— Ну что за невезуха? — возмущалась она уже в коридоре. — Только я порадовалась, что ко мне кого-то нормального посадили, как Татьяна всё это устроила. Вот чем мы ей мешали?

— По-моему, тебе и с Егоровым неплохо сидится, — заметила Мира.

— Ой, да он треплется без остановки, после одного урока голова от него раскалывается.

Забавно, но Кристина производила на Миру точно такое же впечатление, поэтому её жалобы трудно было воспринимать без скептической ухмылки. Хотя, возможно, стоило позаимствовать у бывшей соседки тактику общения и присесть Мише на уши с бессмысленной болтовнёй, потому что все следующие уроки они так и провели в молчании.

За это время Мира успела раз десять пожалеть, что затеяла всё это, потому что сдвинуть с мёртвой точки их с Мишей общение так и не получилось, а вот суть происходящего на занятиях она улавливать совсем перестала. Даже урок у Грачёвой прошёл как в тумане. Хорошо хоть, что та её ни о чём не спрашивала, потому что никаких осмысленных фраз Мира в тот момент выдать не могла, а всё из-за того, что Миша теперь был слишком близко, и она оказалась к этому не готова.

Его присутствие заставляло её нервничать, несмотря на то что они друг другу ни слова не сказали. На душе было как-то беспокойно, сердце учащенно билось, а щёки горели, словно за окном вместо ноябрьской стужи стояла сорокоградусная жара. Состояние, похожее на лихорадочный озноб или... на влюблённость?

Нет, этого просто не могло быть. Она же знала его меньше недели, ну как можно за такой короткий срок влюбиться? К тому же знала — это громко сказано. Мире ничего, кроме его имени, до сих пор не было известно, а этого очень мало, чтобы в душе зародились хоть какие-то чувства. По крайней мере так ей казалось до этого момента. Но чем активнее она искала аргументы против, тем больше убеждалась, что её интерес к Мише не похож на простое любопытство, и это превращало жизнь Миры в одну сплошную проблему.

Мало было ей переезда в этот унылый серый город, так она ещё и запала на парня, которого все в классе почему-то ненавидели и который, похоже, отвечал всем взаимностью. И что теперь, спрашивается, ей нужно было со всем этим делать?

Первое, что приходило на ум — забыть про всё, спрятаться, перетерпеть и дожждаться, когда эти чувства умрут. Но что, если этого не произойдёт? Тогда она будет ближайшие полтора года тихо сохнуть по Мише и страдать каждый раз, когда будет приходиться в школу? Нет, этого Мира не вынесет. К тому же поздно было менять планы, она уже сделала первый шаг, когда пересела к нему. Теперь отступать было некуда, не просить же Татьяну Сергеевну рассказать их спустя всего день — это будет как минимум странно и вызовет много вопросов, при

ответе на которые у Миры всё будет написано на лице. В общем, ей в очередной раз вспомнилось правило, которое ей вбивали на тренировках: никогда не останавливаться, если начинаешь выполнять элемент, и доводить его до конца. Этим принципом она собиралась руководствоваться и в жизни.

На следующий день всё было по-прежнему. Миша опять промолчал и только кивнул на приветствие Миры, после чего погрузился в свои дела, а вот она думала о том, как бы растормошить его. При этом она хотела сделать это не столько для того, чтобы добиться от него взаимности, сколько просто для того, чтобы узнать, что он за человек. Кто знает, может, окажется, что он совершеннейший придурок, и тогда флёр влюблённости сам по себе рассеется?

Впрочем, ничего придумать за весь день ей так и не удалось, поэтому с последнего урока она уходила с чувством досады, которое старательно прятала под маской равнодушия. Впереди ждал выходной, но для неё он был не поводом отдохнуть, а настоящим испытанием, потому что сердце никак не желало успокаиваться, а образ Миши не выходил из головы. Так долго Мира не протянула бы, поэтому ей нужно было срочно найти какое-то решение. Решение, однако, нашлось само собой.

— Десятый «Б», кто у вас сегодня дежурный? — спросила учительница, когда все зашевелились и принялись собирать вещи.

— Сегодня Соловьёв и Иваницкая! — бодро ответила отличница Настя, которая по совместительству была старостой.

Про это Мира знала, но в чём заключалась суть этого дружества, она смутно представляла. Только пару раз Миша протирал перед началом очередного занятия доску, но тут выяснилось, что функции дежурных заключались не только в этом.

— Хорошо, ребят, я отойду, а вы тут легонько приберитесь: доску, пол, ну и хватит, а ключ в учительскую мне занесите, — попросила учительница и убежала.

— Ой, Славик, драпай отсюда, пусть Соловей сам со всем разбирается, — посоветовал Мире Егоров.

Будь её соседом кто-либо другой, и она без раздумий сбежала бы, потому что для неё было диким и странным убираться в школе. Если уж нет денег на уборщиц, то почему этим должны заниматься именно ученики? В конце концов, учителя тоже могли бы следить за чистотой в своих кабинетах вместо того, чтобы скидывать эти обязанности на школьников.

При других условиях Мира наотрез отказалась бы подчиняться, и не просто ушла бы домой, а направилась бы к завучу, чтобы ей показали устав школы, и также рассказали, в каких нормативных документах указано, что учеников могут привлекать к такой деятельности. Но сейчас желание покачать права затмевала возможность остаться с Мишей наедине. Это был тот самый шанс, который она искала, и упускать его было бы верхом глупости. Вдруг в неформальной обстановке, когда вокруг никого не будет, он наконец-то разговорится?

— И что нам делать надо? — спросила Мира, поставив сумку на парту.

— Подмети пока пол, — сказал Миша и достал из-за шкафа, который стоял за их последней партой, жестяное ведро.

— Подмести? — тихо уточила Мира и посмотрела на тощий веник с совком, стоявшие в том же углу.

Ответить ей было уже некому, потому что Миша ушёл в коридор, и она осталась в кабинете совсем одна. Немного постояв на месте, Мира всё-таки начала неаккуратно подметать потёртый линолеум, но мысленно ни на секунду не прекращала возмущаться на то, что её превратили в бесплатную уборщицу.

Вскоре Миша вернулся с ведром, наполненным водой, поставил его у учительского стола, а сам достал из кармана телефон и принялся набирать сообщение. Завести беседу хотя бы ради вежливости он определённо не планировал, поэтому Мира недовольно поглядывала на него

и мысленно посылала проклятия и ему, и всей этой школе, и тупой влюблённости, которая превращала её в идиотку.

Собрав в совок кучу песка, бумажных обрывков и чьих-то волос, она брезгливо, держа двумя пальцами перед собой, понесла его к мусорному ведру и пообещала себе больше никогда на такое не соглашаться. Лучше разбитое сердце, чем пострадавшая гордость. Вот чего Мира добилась сегодня? Поунижалась ради парня, который в её сторону даже не смотрел?

А Миша и в самом деле не обращал на неё никакого внимания. Заметив, что она подмела пол, он намочил в ведре тряпку и принялся махать шваброй. Мира же от нечего делать села на первую парту в среднем ряду, а затем не выдержала решила всё-таки нарушить молчание.

— Это ужас какой-то, — сказала она. — Они не имеют права заставлять нас убираться. Это незаконно. Нужно на них пожаловаться.

Миша ничего не ответил. Казалось, что он вообще не слышал её. Может, этот Соловьёв глухой? Хотя нет, иногда же реагировал на то, что происходило вокруг.

— Неужели тебя это не бесит? — уже напрямую обратилась к нему.

— Не вижу в этом ничего такого, — негромко и как-то устало ответил Миша.

Голос у него был красивый: хрипловатый, но не слишком низкий, с бархатистыми нотами. Жаль, что услышать его можно было не так часто и много, как хотелось бы.

— А по-моему, это издевательство, — не сдавалась Мира. — Мы учиться должны, а не полы драить.

Миша не сразу ответил ей. Сначала он подошёл к ней, остановился буквально в одном шаге и посмотрел ей прямо в глаза, сложив руки на рукояти швабры.

— Может, лучше протрёшь доску? — равнодушно сказал Миша.

— Почему это я? — возмутилась Мира, вспомнив жуткого вида губку. — Я уже пол подмела.

— Ты всё равно сидишь без дела. И вообще, ты выше меня, так что тебе проще будет дотянуться.

В его приятном бархатистом голосе послышалась жёсткая интонация, и Мира растерянно уставилась на него. Он уходить не собирался и продолжал пристально смотреть ей в глаза, ни капли не смущаясь длительного зрительного контакта, а вот Мира неожиданно для себя оробела под его уверенным и спокойным взглядом. Сейчас Миша казался ей не тем забитым пареньком, которым она его считала, и этот контраст поразил её настолько, что спорить она не смогла. Мира молча прыгнула с парты, но глаз не отвела, хотя щёки начинали предательски краснеть.

Ничего она и не выше. Совсем немного, но это из-за каблуков, которые ей приходилось носить почти неделю только ради него, а он и не заметил этого. Он вообще ничего не замечал, хотя теперь было очевидно, что Миша только притворялся нелюдимым дурачком. Что-то загадочное, что-то, из-за чего он изначально привлёк внимание Миры, действительно в нём было, но эта скрытая ото всех часть личности вызывала у неё приступ острого раздражения. Похоже, долго ждать, когда с глаз упадёт пелена влюблённости, не придётся.

Битва взглядов продолжалась недолго: спустя пару секунд Мира всё-таки развернулась и пошла к доске, мысленно пообещав себе больше никогда не надевать туфли. Для Соловьёва, по крайней мере. Раз уж он не оценил её усилий, пусть катится, куда хочет.

Схватив влажную и посеревшую от грязи губку, Мира начала злобно размазывать мел по доске, но вскоре замерла. В памяти всплыли слова Кристины о том, что Миша не парень, а размазня. Интересно, на самом деле никто больше не замечает, что это не так, или это Миша такой хороший актёр? А может, все вокруг правы, и она просто пытается увидеть того, чего нет?

Мира положила губку обратно и обернулась. В этот момент Миша полоскал тряпку в ведре, и со стороны эта картина показалась ей такой нелепой и жалкой, что на губах сама по

себе расплзлась язвительная усмешка. Ещё недавно Мира посмеивалась над Дашей, которая готова была перед Юрой по земле стелиться, но сама оказалась не лучше. Таскается в школу в этих неудобных платьях и туфлях, от которых болят ноги, а всё из-за чего? Из-за какого-то неудачника, который даже за себя постоять перед одноклассниками не может. И, что самое обидное — этот неудачник в её сторону даже не смотрит.

Эта мысль стала последней каплей, и Мира зачем-то направилась к Мише. Хотя ей и было противно просто смотреть на эту тряпку, смотреть на то, как парень, который ей нравится, с ней возится, было ещё противнее.

— Давай лучше я, а ты лучше иди доску протри, — сказала Мира и попыталась вырвать у него из рук швабру.

— Не надо, — сдержанно ответил он.

— Да дай сюда, я сказала!

Сначала у неё ничего не получалось, потому что Миша намертво вцепился в рукоять, но потом ему надоело бороться с ней.

— Окей, — выдохнул он и неожиданно для Миры ослабил хватку.

Она оказалась к этому не готова и продолжала тянуть швабру на себя изо всех сил, отчего та дёрнулась в сторону и ударилась об ведро, а оно звякнуло и с грохотом перевернулось. Прокатившись по полу полукругом, ведро залило грязной водой линолеум. Мира взвизгнула и чудом успела в последний момент запрыгнуть на парту, а Миша отскочил в сторону прежде, чем лужа растеклась под его ногами.

Напоследок ведро ударилась о ножку стола и звякнуло, а затем на несколько секунд в классе повисла тишина. Миша закрыл глаза и сделал глубокий вдох, а Мира, вместо того чтобы извиниться, зачем-то начала нападать на него.

— Ну и что ты наделал? — накинулась она на Мишу. — Нельзя было по нормальному это швабру отдать?

Под столом, на который Мира забралась, линолеум лежал неровно, поэтому на нём собралась огромная лужа, перепрыгнуть которую было невозможно. Она опять ругнула себя за то, что надела неудобное обтягивающее платье, в котором просто ходить было неудобно и оглянулась в поисках выхода.

— Блин, и как мне теперь отсюда слезть? — вслух задала Мира скорее риторический вопрос.

Миша, который всё это время молчал и не реагировал на нападки, зашлёпал кедами по воде и подошёл к Мира. Не успела она сообразить, что происходит, как он легко взял её на руки, словно она ничего не весила, и понёс её к доске. От такого Мира так растерялась, что даже сопротивляться не стала и лишь молилась о том, чтобы Миша не почувствовал, как сильно забилося от волнения её сердце.

У первой парты он поставил Миру на ноги, а затем, пока она приходила в себя, направился в конец класса, снова прошагав по луже. Там Миша взял сумку, которую Мира оставила на их парте, и вернулся обратно.

— Иди домой, я сам справлюсь, иначе мы тут до вечера застрянем, — тихо, но жёстко сказал он.

— Но... — хотела было что-то сказать Мира, однако все слова от неожиданности будто вылетели из головы.

— Пожалуйста, — настойчиво попросил Миша и отошёл от неё.

После такого оставаться в кабинете Мира не смогла, поэтому пулей вылетела в коридор и, не сбавляя скорости, рванула к лестнице. Всё, с неё хватит. Теперь понятно, почему Соловьёв сидит один за своей партой и почему никто не хочет с ним общаться. Он совершенно невыносим, он не умеет нормально общаться с людьми, а ещё...

«А ещё ты дура», — сказала Мира самой себе и резко остановилась на лестничном пролёте между вторым и первым этажом.

Привалившись спиной к стене, она выдохнула и закрыла лицо руками. Все нормальные люди уже разошлись по домам, поэтому в школе было тихо, и только отдалённые звуки эхом разносились по всем этажам.

Да, она повела себя, как полная дура. У неё наконец-то появилась возможность пообщаться с Мишей, а она так бездарно её потратила. Вот зачем нужно было возмущаться, жаловаться, спорить? Можно же было заговорить о какой-нибудь ерунде, попытаться найти общий язык... Но нет, вместо этого Мира начала злиться. Ещё и обвинила Мишу в том, что он это тупое ведро перевернул, хотя произошло это целиком и полностью из-за неё. Короче, теперь он наверняка думает, что она ненормальная и от неё надо держаться подальше. Может, он и прав. Мира и сама начинала бояться себя.

Как бы то ни было, первое впечатление оказалось безнадежно испорчено, и теперь придётся придумать, как извиниться перед ним, чтобы он понял, что это было лишь минутное помутнение её разума, а на самом деле она не такая невменяемая. С этими мыслями Мира оторвалась от стены и пошла к гардеробу, а эхо разнесло стук её каблуков по школе.

Глава 6. Записка

Свое обещание никогда больше не носить ненавистные туфли Мира в понедельник выполнила и с удивлением обнаружила, что в удобной обуви все вокруг бесят её гораздо меньше. Это оказалось приятным, но несвоевременным открытием, потому что лучше бы это произошло до ссоры с Мишей, прежде чем она всё испортила.

Весь вечер субботы и целое воскресенье Мира не переставала прокручивать в голове то, что было сказано и сделано ею во время дежурства, и чем больше времени проходило с тех пор, тем более глупо она себя чувствовала. Если бы кто-то повёл себя так в отношении неё, Мира с этим человеком и общаться бы больше не стала, поэтому возвращаться в школу ей было страшно. Что, если Миша из-за всего этого тоже начнёт её игнорировать?

А между тем мысли о нём намертво засели в голове. После того, как непонятное раздражение на него улеглось, Мира обнаружила, что Миша стал казаться ей ещё более интересным и притягательным. Тот момент, когда он прямо и без стеснения смотрел ей в глаза, чтобы заставить протереть доску, и то, как он спокойно подхватил её на руки, а потом и вовсе выставил из кабинета... Обычный хлопок на такое был не способен, поэтому узнать его и разгадать его загадки хотелось ещё сильнее. Только вот для этого нужно было как-то убедить его простить её.

Из кабинета русского доносился привычный гул, и Мира невольно вспомнила, как всего неделю назад она этим же путём шла на первый урок в новой школе. Тогда она ещё не знала, с кем будет учиться, а Миша был всего лишь незнакомцем, которого Мира мельком увидела в коридоре и в существовании которого до последнего сомневалась, но сколько всего произошло с тех пор... Конфликт с Грачёвой, скрытая вражда с Дашей, повышенное внимание от Юры, неожиданная влюблённость в Соловьёва и их ссора, которая перечеркнула все возможности понравиться ему. Удивительно, как за такое короткое время можно было всё так испортить, но у Миры получилось.

Чем ближе она подходила к кабинету, тем больше замедляла шаг, хотя и так уже плелась, как черепаха. Ей страшно было вновь встречаться с Мишей, но выбора не было, поэтому Мира сделала глубокий вдох и собралась с силами. Если уж получила звание идиотки, так носи его с гордостью. С этой мыслью она перешагнула порог кабинета и тут же оказалась втянута в водоворот разговоров и веселья.

— Мира, привет! — радостно помахала ей Кристина со своего места. — Иди ко мне, я тебе тут такое расскажу, ты должна это послушать.

До урока оставалось совсем немного, поэтому Миша уже сидел за последней партой. На Миру он не посмотрел, хотя Кристина умудрилась своим приветствием перекрыть всех присутствующих, и не услышать этого он не мог. Интересно, это он до сих пор злится или просто за выходные успел забыть про существование Миры? Ни один из этих вариантов её не радовал, поэтому она решила потянуть время и присела рядом с Кристиной, которой не терпелось что-то рассказать.

Миру в этот момент волновали совсем другие вещи, поэтому она лишь изображала заинтересованный вид и кивала, выслушивая историю про какую-то девчонку из девятого с необычным именем Даниэла. Несчастливая умудрилась в субботу упасть во время физкультуры с каната, потому что тот просто-напросто оторвался. Это было неудивительно: спортзал тут выглядел так, будто его сто лет назад построили и с тех пор больше не ремонтировали, разве что пластиковые окна поставили. К счастью, здоровье девчонки не пострадало, в отличие от её репутации — про этот случай за два неполных дня узнала вся школа, и теперь это стало новостью номер один. Впрочем, как поняла Мира, такие вещи происходили с этой Даниэлой регулярно, поэтому она даже была кем-то вроде местной знаменитости.

Поток новостей и сплетен у Кристины никак не заканчивался, и только звонок на урок позволил Мире наконец-то уйти. С колотящимся от страха сердцем она подошла к своей парте и нерешительно замерла, поставив на неё сумку. За время наблюдений ей удалось выяснить, что в школе у Миши было три основных режима: он либо сидел в телефоне, либо рисовал в тетради, либо пялился в окно. В это утро отказываться от своих привычек он не стал и листал ленту.

— Привет, — тихо поздоровалась Мира, ощутив, как от волнения пересохло в горле.

Миша повернул голову, посмотрел на неё, молча кивнул и отвернулся обратно к телефону. Ну надо же. Впервые посмотрел на неё. Мира даже опрометчиво порадовалась этому факту, но потом одёрнула себя. Может, он просто до сих пор в шоке о того, какой она оказалась ненормальной?

Пока Мира рылась в сумке в поисках ручки, у неё в голове крутилась речь, которую на выходных она зарепетировала до потери сознания. Там было и про сожаления, и про то, что она не хотела его обидеть и всё в таком духе, но в последний момент Мире показалось, что не надо ничего говорить. В конце концов, она не обязана была оправдываться за своё поведение, да и Миша спокойно прожил бы без её извинений, но... Но в глубине души Мира понимала, что просто ищет оправдания, поэтому пересилила себя и заговорила.

— Слушай, — сказала она тихо, чтобы никто, кроме Миши, её не услышал. — Извини за то, что я в субботу устроила.

Он отложил телефон и с интересом уставился на неё, отчего щёки у неё моментально вспыхнули. Мысленно помолвившись о том, чтобы Миша этого не заметил, Мира продолжила говорить.

— Я не хотела, чтобы так вышло, не знаю, что на меня нашло... Короче, я понимаю, что повела себя как дура, но я не хотела тебя обидеть, так что прости, если что.

Её извинительная речь должна была выйти чуть более объёмной, но под пристальным взглядом Миши она начинала нервничать и решила остановиться, чтобы не сбиться и не сказать чего-то лишнего. В ответ Мира ожидала получить хоть какую-то реакцию, но Миша словно специально тянул, а потом и вовсе вытащил из правого уха беспроводной наушник, который до этого она не заметила из-за его длинных проводов.

— Прости, ты что-то сказала? — спросил он подчёркнуто-вежливо.

Первые несколько секунд Мира лишь растерянно хлопала ресницами, а потом до неё наконец всё дошло, и чувство раскаяния моментально сменилось злостью. К тому же ей показалось, что она заметила на губах у Миши лёгкую усмешку, и это вывело её из себя.

— Да, я что-то сказала, — резко ответила она, скрестив руки на груди.

— И что? — с искренней заинтересованностью переспросил Миша.

— Я сказала... — запнулась Мира.

После такой выходки желание извиняться резко испарилось, а вот негодование пришло ему на смену и требовало выхода.

— Я сказала, — повторила она, — что это моя половина парты, и не надо на неё залезать.

Сдвинув в сторону раскрытый учебник Миши, лежавший почти посередине, она с воинственным видом посмотрела на него, но он ни капли не растерялся.

— Вообще-то я здесь сижу дольше, так что могу занимать столько места, сколько захочу, — уверенно заявил он и передвинул книгу обратно на середину.

От такой наглости Мира даже не сразу нашлась, что ответить. Этот тихий с виду парень продолжал поражать её своим нахальством и самоуверенностью, которых она от него совсем не ожидала.

— Вообще-то девушкам надо уступать, — заметила Мира, не желая оставлять за ним последнее слово.

— Могу уступить тебе соседнюю парту, — тут же сказал Миша и кивнул в сторону среднего ряда.

У Миры вырвался нервный смешок. Этот Соловьёв над ней в открытую издевался и даже не считал нужным скрывать этого, наоборот, смотрел на неё, подперев щеку рукой, и ехидно улыбался. Что самое возмутительное, он делал это не для того, чтобы отомстить ей или отыграться за субботнюю ссору — его просто веселило всё происходящее, будто бы он был котом, который играет с мышкой.

Подобное несерьёзное отношение к собственной персоне Мира простить ему уже не могла и была на грани того, чтобы закатить уже второй в их общении скандал, за который извиняться она не собиралась. К счастью, Татьяна Сергеевна перешла к проверке домашнего задания, и на некоторое время бушевавшие в душе Миры грозы затаились, но сосредоточиться на том, что происходило на уроке, ей было сложно.

В тот самый момент, когда Мира почувствовала, что раздражение начало отступать, на стол перед ней неожиданно упал вырванный из тетради и сложенный несколько раз клочок бумаги. Она с удивлением посмотрела на Мишу, но тот делал вид, словно он тут не при чём и внимательно слушал учительницу. Притянув к себе обрывок листа в клеточку, Мира прочитала несколько предложений, написанных буквами с лёгким наклоном влево:

«Ладно, я тебя прощаю. Только в следующий раз драить полы будешь ты».

В конце Миша ещё и пририсовал нагло улыбающуюся рожицу. Нет, рожица в принципе была самой обычной, однако этот снисходительный тон и тот факт, что он изначально расслышал всё, что Мира говорила, но решил поиздеваться, опять вывел её из себя. Кто он вообще такой и что о себе возомнил?

Медленно скомкав записку, Мира закрыла глаза и тяжело выдохнула. У неё столько сил ушло на то, чтобы взять себя в руки после их разговора перед уроком, но Миша, кажется, хотел окончательно вывести её из себя, и у него это получалось. Мира почувствовала, как внутри неё закипал гнев, а желание высказать ему всё, что она о нём думала, становилось непреодолимым.

— Татьяна Сергеевна, можно выйти? — подняв руку, спросила она.

Судя по всему, вид у неё был ещё тот, потому что учительница без вопросов отпустила её, хотя выходить во время занятий обычно не разрешалось. Поднявшись, она направилась к выходу, по пути пытаясь скомкать бумажку до размеров атома, а рядом с дверью демонстративно задержалась и зашвырнула записку в мусорное ведро, после чего стрельнула злым взглядом в Мишу. Он наблюдал за её действиями с едва заметной хитрой улыбкой и был явно доволен результатом, поэтому Мира фыркнула и вылетела в коридор.

Бродить во время урока по школе было не лучшим решением, так что она огляделась по сторонам и направилась в туалет, где вероятность столкнуться с кем-то из учителей или администрации стремилась к нулю. Внутри было тихо и безлюдно, поэтому Мира наконец-то смогла выдохнуть, но легче от этого не стало.

Из зеркала на неё смотрела растрёпанная девица с покрасневшим лицом и поджатыми губами. Она провела рукой по щеке и покачала головой. Что с ней происходит? Ей всегда удавалось держать эмоции под контролем, но за последние несколько недель этот навык без следа испарился, а всё из-за этого переезда, который перевернул её жизнь вверх дном и лишил всего, что ей было привычно. Наверное, стоило относиться к нему как к возможности что-то изменить и, может, начать заново, но Мира никак не могла смириться с тем, что её в этом случае даже никто не спросил, поэтому продолжала упрямяться чисто из принципа.

Это было плохо. Нельзя позволять себе такого. У неё и так уже куча проблем возникла из-за несдержанности, так что пора было приходить в себя. Забить на Грачёву — пусть придирается сколько угодно, игнорировать Дашу — конкурировать с ней за Юру Мира не собиралась. И не вступать больше в перепалки с Мишей, как бы ни хотелось доказать свою правоту.

Извинения она принесла, он, похоже, не сильно на неё обиделся, вопрос на этом закрыт, так что надо было просто вернуться обратно и вести себя как ни в чём не бывало.

Поправив волосы, Мира в последний раз окинула взглядом своё отражение и направилась обратно в кабинет. К своему месту она шла с опущенными глазами и ни на кого не смотрела, а присев за парту, запретила себе даже поворачиваться в сторону Миши, только вот он об этом плане не знал и продолжал проверять её нервы на прочность.

Сначала он сидел, как и прежде, не обращая на Миру внимания, но спустя пару минут как бы между делом чуть подвинул учебник на её половину парты, отчего уголок книги упёрся в её руку. Она помнила о своём обещании больше не конфликтовать с ним и не вступать в споры, поэтому просто отодвинулась в сторону, однако Миша вскоре снова подвинул учебник. Эта глупая, но на его взгляд, видимо, забавная игра продолжалась до тех пор, пока Мира не прижалась к самому краю стола и не повернулась к нему.

Он заметил это и тоже посмотрел на неё, но на этот раз в его взгляде не мелькало ничего похожего на веселье, наоборот, Миша казался серьёзным и уверенным, хотя сидел всё так же небрежно поддев щёку рукой. За всем этим Мира чувствовала какой-то вызов. Неужели он всерьёз решил выселить её с этой парты? Ну уж нет, если ему не нравится находиться с ней рядом — пусть сам проваливается, добровольно это место она не оставит.

В подтверждение своих намерений Мира резко отодвинула учебник обратно на его половину парты и, нахмурившись, пристально посмотрела на Мишу. Понял ли он, что она хотела этим сказать? Скорее всего, нет, потому что он лишь усмехнулся и отвернулся, хотя с другой стороны, дураком он не был.

К счастью, больше Миша к ней не лез и не доставал, но до конца урока Мира никак не могла успокоиться. Её переполняло раздражение, причём на саму себя. Зачем она всё это затеяла? С чего вообще взяла, что Мише нужна помощь? Почему решила, что он несчастная жертва и ужасно страдает от того, как к нему относятся в классе? Судя по всему, постоять за себя Миша умел и в защитниках не нуждался, но Мира поняла это слишком поздно, поэтому оказалась за одной партой с хамоватым и самодовольным парнем, который специально выводил её из себя, чтобы повеселиться. Если так продолжится и дальше, то неясно, кого из них двоих нужно будет спасать.

К концу урока она так себя накрутила, что со звонком подорвалась с места и вылетела в коридор, лишь бы только оказаться от Миши подальше. Забавно, а ведь ещё недавно Мира мечтала узнать его поближе и готова была ради этого на многое. Не зря говорят, что своих желаний надо бояться — когда они сбываются, рано или поздно оборачиваются против тебя.

Пока Мира неспешно брела по коридору, пытаясь не взорваться от злости, её догнала Кристина.

— Что с тобой сегодня? — спросила одноклассница.

— Ты о чём?

— Ты какая-то напряжённая.

— Да голова с самого утра болит, — отмахнулась Мира.

В этот раз удача ей изменила. То ли у неё не хватало актёрских способностей, то ли Кристина оказалась чересчур внимательной, но одноклассница хитро улыбнулась и, осмотревшись по сторонам, сказала, понизив голос почти до шёпота:

— Можешь не придумывать, я и так всё поняла.

— Поняла что? — спросила Мира невозмутимым тоном, который, впрочем, дался ей с большим трудом.

Неужели всё было настолько очевидно? Вроде бы она старалась действовать осторожно, чтобы её общение с Мишей выглядело как случайность и не привлекало лишнего внимания, но...

— Что ты влюбилась, — добила её Кристина своим ответом.

От неожиданности Мира растерянно уставилась на неё и даже остановилась. Быстро придумать отговорку, которая развеяла бы все подозрения, из-за нервозности не получалось, и затянувшееся молчание выдало Миру с головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.